

НИКОЛАЙ МАСОЛОВ

ДНОВСКАЯ БЫЛЬ

Г Е Р О И
И
П О Д В И Г И

НИКОЛАЙ МАСОЛОВ

«ДНОВСКАЯ БЫЛЬ»

Отсканировано и обработано: https://vk.com/biblioteki_proshlogo

Николай Масолов

ДНОВСКАЯ БЫЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1964

Небольшой городок Дно в годы Отечественной войны превратился в поле битвы между немецко-фашистскими оккупантами и советскими патриотами. Квартира сапожника Александра Финогенова стала штабом подпольщиков, а его семья — ядром большой организации смелых борцов. Сюда, на квартиру сапожника, шли связные подпольного райкома партии и партизанского отряда. Из этой квартиры подпольщики вместе с чиненой обувью уносили листовки и газеты, мины и гранаты. В городе гремели выстрелы, рушились мосты на дорогах, взрывались эшелоны врага.

Автор, Н. В. Масолов, — журналист. На ярких примерах он показывает, что дновские партизаны и подпольщики вписали много ярких страниц в историю обороны Ленинграда. Советские люди боролись и умирали ради того, чтобы нога гитлеровского солдата не могла ступить на Невский проспект, чтобы наша Родина всегда была свободной и несокрушимой.

Отзывы и пожелания шлите по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., 7, Политиздат, редакция литературы по истории советского общества.

ПРОЛОГ

От иссиня-черных вод Чудского озера до дремучих лесов на берегах реки Ловати распахнулась-легла Псковщина — искони русская сторона. В ясные летние дни морским разливом голубеют на ее полях шелковистые льны. Зимой же здесь часто бушуют метели. Засыпанные снегом и окруженные со всех сторон лесом, псковские деревушки кажутся безжизненными. Лишь гудят корабельные сосны да могучие ели, будто зоркие стражи, стоящие за их околицами.

Шумит лес. И слышатся в его тревожном говоре и буйные порывы молодости, и отзвуки минувшего, того, что было и былшем поросло.

Но крепка народная память. Много поэтических преданий хранит она о том времени, когда была Псковщина богатырской заставой земли русской. У крепостных стен городов Пскова, Острова, Порхова, на берегах реки Великой, там, где взбегают на придорожные косогоры трепетные осины и молодые березки, не раз скрещивалось оружие. Не раз здесь русские люди встречали иноземных захватчиков и бились насмерть.

Ареной ожесточенных боев были древние города и в годы минувшей войны. Не только в тяжелом сорок первом и победном сорок четвертом годах, но и в дни фашистской оккупации гремели боевые грозы на берегах задумчивых псковских рек. И ночью и днем озарялись вспышками выстрелов густые ельники и болота-топи, рушились от партизанских мин мосты, летели под откос вражеские эшелоны.

Побывайте в этих краях, и вы услышите рассказы-были о смелых партизанских рейдах комбригов Литвиненко и Германа, о неуловимом партизане Марго, за голову которого обещали гитлеровцы и деньги, и хутор, о таинственном «красном всаднике»,

наводившем ужас на карателей и полицаев. Многие из партизанских былей уже овеяны дымкой легенд. К числу таких рассказов принадлежит и малоизвестная история боевой деятельности антифашистского подполья в Дно.

...Дно — небольшой городок с тихими улочками, утопающими летом в зелени яблоневых садов. И дороги. Целый лабиринт железнодорожных путей. Они связывают Ленинград с Киевом, Одессой, Мариуполем, Брестом, Минском, Витебском. В летнюю пору через Дно каждый час проходит пассажирский состав.

В городе большое паровозное депо. В нем трудятся сотни людей. Среди них много потомственных железнодорожников. Почти в каждой дновской семье есть свой «полпред» на транспорте. С одной из таких семей — семьей сапожника Финогенова — и связана героическая страница самоотверженной борьбы в годы Великой Отечественной войны.

ГРОЗА НАДВИГАЕТСЯ

**А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,
Все чаще недобрая весть...**

М. Исаковский

В начале июля 1941 года немецко-фашистские захватчики вторглись в пределы Ленинградской области. На левом фланге Северо-Западного фронта наши войска, мужественно отражая удары 16-й армии и 4-й танковой группы противника, отступали с рубежа Порхов — Новоржев. Враг рвался к городу Дно. В планах фашистского командования захвату Дновского железнодорожного узла отводилось важное место. Гитлеровская ставка намечала осуществить широкий двухсторонний охват района Ленинграда: финскими дивизиями через Петрозаводск с выходом на реку Свирь и силами своей 16-й армии через Дно — Старую Руссу в обход озера Ильмень.

Жители Дно, конечно, ничего не знали об этих планах, но, что несет с собой фашизм, поняли быстро. Гитлеровцы бомбили станцию

и депо в первые же дни разбойничьего нападения на нашу страну. Бомбили жестоко, злобно. Городок посуровел, насторожился и сразу начал жить по-прифронтовому.

Многие дновцы, особенно железнодорожники, теперь по несколько дней не приходили домой. Дороги к фронту и на восток были забиты беженцами. Сквозь лавину вагонов с растерявшимися и обезумевшими от горя людьми нужно было пробивать «зеленую улицу»

воинским эшелонам. Машинисты и кочегары, окончив один рейс, на ходу перекусив, вновь поднимались в паровозные будки и мчали составы к Ленинграду, Новгороду, Старой Руссе. В дороге их настигали хищные стаи фашистских самолетов. Вздыхалась от взрывов земля, осколки прошивали насквозь вагоны, впивались в тендеры. Но мужественные паровозники не покидали своих постов. Сколько они тогда людей спасли! Сколько красноармейцев доставили к линии фронта!

А она все ближе и ближе подходила к городу. От дома к дому ползли недобрые вести: пал Псков, пылает в сплошном пожарище Порхов. Над голубой Шелонью, как гигантские змеи, протянулись полосы черного дыма, зловеще надвигаясь на поля, деревни и села...

Опасность, даже самая близкая, оставляет время подумать и что-то предпринять. Дновские коммунисты умело воспользовались этим временем: не поторопились и не опоздали с эвакуацией, создали специальный восстановительный поезд, организовали истребительный батальон.

Сотни жителей изъявили горячее желание с оружием в руках защищать родной город, но люди нужны были и в депо, и на ремонте железнодорожных путей, поэтому отбирали в истребительный батальон тех, кто хоть немного был знаком с военным делом. Одним из первых был зачислен в батальон комсомолец Юра Бисениек. Бравого, русоголового, всегда жизнерадостного, острого на слово, Юру знали в городе как комсомольца-активиста и хорошего

Матвей Иванович Тимохин

спортсмена. Жил он у деда, известного дновского сапожника Финогенова, вместе с матерью и тринадцатилетним братом Костей.

Накануне войны Бисениек уехал на лето с пионерским лагерем в поселок Череха. Вернувшись пешком в Дно и узнав в райкоме о формировании истребительного батальона, он немедленно отправился на сборный пункт. Там уже толпилось несколько десятков человек. Подойдя к командиру батальона Кучинскому, Юра четко, по-военному доложил:

— Товарищ комбат, боец Бисениек прибыл в ваше распоряжение! Собравшиеся засмеялись. Кто-то сказал:

— Ишь ты, какой орел выискался! Сам себя в бойцы произвел.

Выручил комиссар батальона Александр Васильевич Казаринов. Улыбаясь, он сказал:

— Не произвел, а разжаловал. Ведь парень сам комбатом был: в школе осоавиахимовским батальоном командовал.

И тут же распорядился:

— Выдать бойцу Бисениек патроны и винтовку!

Одной из обязанностей истребительного батальона была дозорная служба. Нарушить работу крупнейшего железнодорожного узла гитлеровцы пытались не только частыми бомбежками, но и засылкой в окрестности Дно диверсионных групп. К этому времени танковым частям противника удалось прорваться к станции Сольцы и перерезать магистраль, связывающую Дно с Ленинградом. Теперь к берегам Невы оставался свободным один путь — дорога на Старую Руссу. Беречь ее нужно было как зеницу ока. Бойцы истребительного батальона патрулировали по ночам по железнодорожному полотну, дежурили у мостов, группами выезжали на ликвидацию парашютных десантов.

17 июля в 14 часов 30 минут в отделении милиции станции Дно раздался резкий телефонный звонок. Трубку взял начальник линейного отделения Пашков. В трубке что-то трещало, шипело. Докладывал боец, дежуривший у моста через речку Полонка. Взволнованный голос его звучал так, будто говорил он издалека, слова терялись. Однако Пашков хорошо различил два слова:

— Немцы... Водокачка...

Точно током ударило. Опустил трубку. Тревожно забилося сердце: неужто передовые части врага в 6 километрах от города?

Пашков не растерялся: немедленно позвонил в райком, попытался

связаться со штабом 22-го стрелкового корпуса, оборонявшего подступы к Дно, но не дозвонился. Было решено произвести разведку двумя группами истребительного батальона и, если у моста десант, вступить с ним в бой. Одну группу в сторону деревни Синеве повел Казаринов, вторая под командованием Пашкова направилась к водокачке на автодрезине.

До Синева — рукой подать, но путь от напряженного ожидания встречи с фашистами казался бойцам длиннее в несколько раз. Шли молча, придерживаясь кустарника. В пятом часу, миновав перелесок, группа Казаринова вышла к большаку. В клубах пыли по дороге в направлении Дно двигались немецкие танкетки и бронемашины. Заметив вооруженных людей, фашисты открыли сильный пулеметно-автоматный огонь. Казаринов приказал бойцам укрыться в близлежащем лесу. Лишь ночью группе удалось вернуться в город.

Дрезина, на которой продвигалась группа Пашкова, нарвалась на засаду на одном из железнодорожных переездов. Гитлеровцы обстреляли ее из минометов. Что могли сделать против минометов и пулеметов 14 человек, вооруженные винтовками и револьверами старого образца? Укрываясь за насыпью железной дороги, бойцы, отстреливаясь, начали отступать. Последним отходил командир.

Убедившись, что его товарищи оторвались от врага на значительное расстояние, Пашков решил переменить позицию: добежать до небольшой высотки, где маячило несколько деревьев. До спасительных кустов оставалось пять-шесть шагов, когда его настигла пуля. Он упал у подножия невысокой березки. Вначале боли не ощутил. Только в ушах стоял звон — голова гудела, словно в нее влетел пчелиный рой. Сквозь это жужжание услышал голоса. Звучала чужая речь...

Пашков поднялся. Левой рукой вцепился в березку, так сжал — вот-вот сок брызнет. Проверил обойму. Осталось два патрона. Один по фашистам, последний себе... Метрах в двадцати показались три автоматчика. Они шли прямо на него — мордастые, пьяно ухмыляющиеся рожи. Медленно поднял наган, неторопливо выстрелил. Одна рожа исчезла. Теперь наган к виску... Неожиданно сзади раздалось:

— Рус, сдавайс!

Пашков быстро обернулся и, не целясь, в упор выстрелил в зеленый мундир. В шею что-то ударило. Последнее, что увидел, падая

на землю, дновский коммунист Иван Сергеевич Пашков, было небо. Оно было голубым и чистым...

В тот же день фашистским автоматчикам удалось прорваться к штабу 22-го стрелкового корпуса. Штаб обороняло подразделение связистов. Преимущество в силах было настолько явным, что один из гитлеровских офицеров передал донесение об уничтожении штабного домика. Однако прошел час, еще один, а бой в районе штаба не утихал. Горсточка красноармейцев под командованием заместителя политрука радиороты 415-го батальона связи Арнольда Мери героически отражала бешеный натиск врага.

Юноша-эстонец был несколько раз ранен, но в окопах, занятых храбрецами, неумолчно звучал его призыв:

— По фашистской нечисти — огонь!

Захватить штаб гитлеровцам так и не удалось.

Ранним утром 19 июля на северной окраине Дно высадился воздушный десант врага. Сопровождавшие его самолеты с черными крестами на крыльях падали с ревом вниз и почти в упор били из пулеметов по яблоневым садам и полотну железной дороги. Ударяясь о рельсы, пули высекали искры. Вскоре, застилая солнце, над городом поднялись огромные столбы огня и дыма. Горели угольные и хлебные склады. Громадные языки пламени лизали крыши. Дым черными фонтанами вздымался к небу. Но никто не тушил пожара. Судьба города была уже решена.

В этот тревожный час на окраине Дно, в небольшом здании ветеринарной лаборатории, собрались партийные активисты. Каждый получил задание: одни направлялись к насыпи железной дороги, где стойко держали оборону красноармейцы отрядов прикрытия, другие — на последний сборный пункт истребительного батальона, третьи шли взрывать то, что годами создавалось их собственными руками.

Дольше всех в домике задержались председатель райисполкома Василий Иванович Зиновьев и секретарь райкома партии Матвей Иванович Тимохин. И председатель и секретарь были под стать друг другу: крепкие, ладные: Зиновьеву — за тридцать, Тимохину — сорок.

Осунувшийся, обросший черной бородой, Зиновьев был необычно молчалив. Чувствовалось, что человек смертельно устал. Четверо суток, не смыкая глаз, занимался Василий Иванович эвакуацией

оборудования депо и городских предприятий. Сегодня на его плечи легла новая обязанность: рабком поручил ему возглавить отряд партизан. Лучшего выбора сделать было нельзя. У Зиновьева был опыт службы в армии. Волевой, решительный и принципиальный человек, в прошлом путиловский рабочий, председатель райисполкома пользовался и в городе и в деревнях большим уважением.

Когда все ушли, Василий Иванович достал полевую карту и начал быстро делать на ней какие-то измерения и пометки. Жирная синяя стрела протянулась по району зыбучих болот в направлении к небольшому лесному озеру. Тимохин залюбовался, как ловко орудует циркулем будущий партизанский вожак, хотел что-то спросить, но в это время в дверь постучали:

— Можно войти?

Тимохин не успел ответить. В комнату вбежала смуглая, средних лет женщина. Лицо ее покраснелось.

— Не опоздала, Матвей Иванович?

— В самый раз, Анастасия Александровна, — ответил Тимохин. — Садись поближе, вот сюда, к окну, да слушай внимательно...

Задребезжали стекла. Где-то поблизости разорвался снаряд. Распрощавшись, Зиновьев быстро вышел на улицу. Вскоре послышалась пулеметная трель. Бой приближался к окраинам города, а Тимохин все еще шептался со своей собеседницей: А. А. Бисениек он называл пароли, адреса. Наконец Матвей Иванович поднялся:

— Ну, Анастасия Александровна, до свидания. Тяжело будет, но помни: ты не одна. И знай: все мы, весь райком, тебе верим и очень, очень на тебя надеемся.

Почти в то же время на другом конце города в небольшой комнатухе, у окна, стоял высокий, сухощавый человек. Острые, как у индейца, скулы и орлиный нос выдавали его кавказское происхождение. Волевое лицо портило выражение больших карих глаз. Столько таилось в них коварства и злобы!

Скромный работник дновской заготконторы Ризо люто ненавидел Советскую власть. Он ненавидел ее с тех пор, как запылала на берегах Невы зори Великого Октября и казачий офицер Ризо из «дикой дивизии» генерала Корнилова вынужден был скрывать свое белогвардейское нутро.

Теперь пробил его час. Он с нетерпением ожидал прихода фашистов. Когда винтовочные выстрелы зазвучали на городских окраинах, Ризо сел к столу и начал составлять два списка: в один вносил фамилии и адреса советских работников, которых следовало немедленно уничтожить, в другой — всех тех, кого, по его мнению, обидела Советская власть. И если первый список пестрел десятками фамилий, то второй был крайне мал. Ризо нервничал: вставал, подходил к окну, опять садился к столу. После некоторого колебания в список обиженных под номером семь он записал: «Анастасия Александровна Бисениек (девичья фамилия — Финогенова)»...

ПУЛЯ МЕТКАЯ ДОГОНИТ

**Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнемся спокойно и тесно.**

В. Брюсов

Лето 1941 года выдалось в Ленинградской области ясным, погожим. По утрам в низовьях Пришелонья таяли туманы и умытые росой, в лучах восходящего солнца искрились голубые озера льна. В мелколесье, в заселках рдела земляника. На полях стеной стояли хлеба. В небесной сини неслись легкие кружева облаков.

А по земле шастало горе.

Многие советские люди еще не успели ощутить, что такое война, привыкнуть к мысли, что землю их отцов и дедов топчет нога немецко-фашистских захватчиков, как очутились сами за линией фронта, во вражеском тылу. Псковский поэт Иван Виноградов, ставший впоследствии редактором партизанской газеты, писал в июльские дни 1941 года:

Смотрю я с болью острою —
Весь край окутал мрак:
И в Порхове, и в Острове,
И в Славковичах враг.

Черным крылом нависла над оккупированной территорией фашистская свастика. В первые же дни оккупации на улицах Пскова, Луги, Порхова, Дно появились виселицы, были повешены и расстреляны сотни советских патриотов. Гитлер сказал однажды Раушнингу о необходимости «развить технику обезлюдивания». Слова бесноватого фюрера стали нормой поведения фашистов на оккупированной территории.

Об этом ярко свидетельствуют немецкие документы, дневники, письма, захваченные у пленных и убитых гитлеровцев. Убитый в районе озера Круглое солдат саперной роты 477-го полка 254-й дивизии Рихард Топп записал в своем дневнике в первые дни войны: «...Мы останавливаемся на маленькой станции. На запасном пути стоит поезд с русскими пленными... Холодная ярость переполняет тебя, когда ты их видишь... Кончики всех моих пальцев зудели от желания взяться за ружейный приклад... Мы — сильная раса и уничтожим все, что препятствует нашему господству, как это делали наши предки. Наш путь идет прямо. Если нужно, то через трупы. Через ночь — к победе!»

И они, варвары XX века, шли через трупы, несли с собой страшную ночь. У попавшего в плен гитлеровца Мюллера был отобран вместе с автоматом фотоаппарат и несколько десятков снимков. На всех «фотолюбитель» из Бремена запечатлел только смерть...

Один из снимков — расстрел десяти патриотов в центре Пскова... На скорую руку, врытые прямо в тротуар столбы. На них бессильно свисают люди с повязками на глазах. Они или мертвы, или в предсмертных конвульсиях... Это было в августе 1941 года.

Захватив Псков, фашисты дали древнему русскому городу немецкое имя — Плескау. Псковская тюрьма и созданные вокруг города концлагеря были переполнены узниками. В первые дни оккупации Пскова гитлеровцы учинили дикую расправу над памятниками В. И. Ленину и С. М. Кирову. В лютой злобе они обвязали бюсты веревками и сволокли их на тюремный двор.

От Пскова через Пришелонье к берегам Невы ползли танки фон Лееба. Стальные чудовища подминали под себя березовые рощицы, извергая огонь и смрад, губили людей и селения. За танками мчались мотоциклисты, шли автоматчики. Там, где ступала их нога, оставались дымные пепелища. В Дновском районе фашисты сожгли 28 деревень. Села пустели. Люди прятались, кто где мог. На улицах ни

детского гомона, ни смеха — великое горе, постигшее страну, разделяли и маленькие ее граждане.

Вместе с тыловыми частями 16-й и 18-й немецких армий на ленинградской земле появились прусские помещики и уцелевшая белогвардейская погань. В Волосовском районе осел барон Кельнер. В город Остров вернулся помещик Богданов. Владения порховского совхоза «Полоное» захватил военный комендант Хильман. А в Дно прибыл барон Адольф Бек. Он получил в собственность земельные угодья совхозов «Искра», «Дновский массив», «Гари», «Вишенка». Шесть тысяч гектаров! Крестьяне 14 деревень под страхом смерти вынуждены были от зари до зари работать, как крепостные, на Бека. По воскресным дням барон с борта спортивного самолета любовался своими имениями.

Однажды после очередного воскресного полета Бек пешком направился на ферму, расположенную вблизи посадочной площадки. Его сопровождали дородный управляющий с красным, как бурак, лицом, на котором топорщились усы цвета надраенной меди, и тщедушный, верткий, как вьюн, староста. Спутники барона были из «бывших»: управляющий из немцев-колонистов, староста — из раскулаченных местных богатеев. У барона было прекрасное настроение. Шел он неторопливо, мягко выговаривая своему любимцу управляющему:

— Ты, Фридрих, излишне сентиментален. Земля любит крепких людей. А русский мужик был и остался быдлом. Жестокость для него стимул к высокой производительности. Точно я говорю? — Бек повернулся к старосте.

— Точно, ваша светлость, — затараторил холуй, — у наших мужиков мозги корой обросли. Ленятся, паршивцы, в экономии работать. Шлындают по деревням, вот, вроде этого. — Староста показал рукой на появившегося из-за поворота старика с холщовой сумкой на боку и неожиданно разъяренно метнулся к нему:

— Ты почему, старый хрыч, шапку не снимаешь перед барином?

Увидев немцев, старик сразу свернул на обочину: думал остаться незамеченным. И вот надо же, нарвался на беду. Был он сутул, невысок ростом. Большие узловатые руки его заметно дрожали, сжимая суковатую вересинку, на которую он опирался в пути. Услышав крик старосты, старик молча остановился.

Подошел барон. Ткнув стеком в грудь задержанного, приказал:

— Подыми глаза, смотри на твой господин.

Старик выпрямился. У него было морщинистое, с резко запавшими висками лицо. Взглянув на Бека, он тихо промолвил:

— Стар я, чтобы меня, как скотину, палкой тыкать. А господ наших господь бог с нашей помощью давно прибрал.

В воздухе мелькнул стек. На лице смельчака вздулся кровавый рубец. Старик продолжал смотреть на барона. Бек ударил еще и еще.

— Шорт старый, на колени! Понимайт? На колени! Моли пощады!

Барон прилично говорил по-русски, но, когда злился, коверкал слова.

— Пощады? Не дожدهшься, супостат проклятый! — Голос старика звучал теперь ясно и громко. — Погодь, будет тебе, что и барам нашим в семнадцатом году было...

Как коршуны набросились на него управляющий и староста, сбили с ног. Вырываясь из их цепких рук, он все же успел докончить свое пророчество:

— Загуляет красный петух по твоим хоромам. И тебя не минует пуля, гада треклятого...

Топтали сапогами. Били в грудь, в голову, остервенело, смертным боем. Несчастный быстро затих... Отдышавшись, Бек наклонился над жертвой. Из волосатой впалой груди старика сочилась кровь, багровые струйки стекали с висков. На мертвенно-бледном лице жили лишь одни глаза. Отсвет непокоренного духа увидел в них барон. Злобно выругавшись, убийца зашагал прочь.

До позднего вечера лежало бездыханное тело на обочине дороги. Рядом в пыли валялись краюха черствого хлеба и глиняная кружка, выпавшие из сумки убитого.

В другой раз, тоже в воскресный день, Бек возвращался в свое имение из Дно, где участвовал в попойке у коменданта. Ехал на автомобиле. По дороге, въезжая в деревню Панкратово, сквозь дрему услышал музыку. Приказал шоферу остановиться. На завалинке одного из домов под аккомпанемент гармониста-инвалида пели девушки. Песня была старинная — про ямщика, что замерзал в степи глухой. Голоса звучали приглушенно, печально. Деревню уже окутали предвечерние сумерки, но в избах огней не зажигали. Они стояли черные, молчаливые. От того, что не могут звонко и радостно звенеть их голоса, девушкам было зябко, и они прижались друг к другу, точно собрались не в летнюю пору, а в студеной зимний вечер.

Барон не слушал песню. Он, как тать, подбирался к поющим. И когда до избы оставалось не более 20 метров, полоснул из автомата очередь по крыше. Обезумевшие от страха, девушки метнулись было в разные стороны, но раздалось грозное:

— Ложись! Не шевелись! Иначе смерть!

Около часа продержал Бек девушек в легких платьях на сырой земле. Затем приказал прибежавшим на выстрелы полициям отправить их под конвоем в имение. Там, рядом со складским помещением, лежала куча тяжелых бревен. Уходя спать, барон дал строгий наказ надсмотрщику: не жалеть кнута, если девушки за три часа не перетаскают бревна к реке и... обратно. Когда забрезжил рассвет, несчастных, окончивших изнурительную, бессмысленную работу погнали в поле на разбивку навоза.

Но ни расстрелы, ни виселицы, ни дикие надругательства над стариками и женщинами не устроили советских людей. Как небольшое пламя, пробежав по сухому вереску, набирает силу и превращается в огненный вихрь, так вспыхнуло и разгорелось на Псковщине грозное движение народных мстителей. И стали для незваных пришельцев страшным местом Рдейские болота, Гдовские леса-чащобы, заросли орешника на берегах Великой и Шелони. В октябре 1941 года в западных и юго-западных районах Ленинградской области действовало 84 партизанских отряда.

На юге Ленинградской области обосновалось крупное соединение партизан — 2-я бригада под командованием Николая Григорьевича Васильева, бывшего начальника новгородского Дома Красной Армии. Комиссаром бригады был Сергей Алексеевич Орлов, опытный партийный работник. До войны он занимал пост секретаря Порховского райкома партии.

В упорных боях бригада очистила от фашистов значительную часть Белебелковского, Ашевского, Дедовичского и Дновского районов и положила начало Партизанскому краю. Эта своеобразная лесная республика, ошетинившаяся оружием, протянулась с севера на юг почти на 120 километров. На ее территории был ликвидирован оккупационный режим, население 400 деревень жило по законам родного Советского государства.

Сохранилась немецкая карта, на которой были обозначены районы действия советских партизан против группы фашистских армий «Север» по состоянию на декабрь 1941 года. Самым крупным

сосредоточением партизанских сил противник справедливо считал район южнее и юго-восточнее станции Дно. На карте от заштрихованного черным дновского участка тянулись стрелы к важнейшим коммуникациям. Они обозначали направления ударов партизан по наиболее уязвимым местам тыла 16-й немецкой армии. Обстановку на карту наносил сам командующий группой «Север» — фельдмаршал Риттер фон Лееб.

Еще до вероломного нападения на нашу страну фашистские главари создали несколько дивизий специально для охраны тылов своей сухопутной армии. С осени 1941 года кроме них против партизан действовали и полевые части, иногда даже целые соединения, снятые с того или иного участка фронта. Жестокими карательными мерами им всячески помогали зональные комендатуры, отряды охранной и тайной полиции. И все же партизанское движение росло.

От робких засад, от незначительных диверсий отряды ленинградских партизан зимой и весной 1942 года перешли к налетам на фашистские гарнизоны. Все чаще и чаще теперь в ночь, охраняемую вспышками немецких сигнальных ракет, врываются голоса партизанских «максимов» и «дегтярей». С гордостью пели свою боевую походную песню партизаны 2-й бригады:

Голубой реки Шелони
Враг боится неспроста.
Пуля меткая догонит
Из-за каждого куста.

Меткие пули героев народной войны настигали не только гитлеровцев. Они находили и новоявленных господ помещиков, карали предателей и отступников. В новогоднюю ночь 1942 года солецкий комендант Винклер получил недвусмысленное предупреждение в стихах:

«Землицы русской захотел,
В Сольцы, как ворон, прилетел.
Земли дадим, чтобы хватило
И в глотку вбить и на могилу».

И дали. Та же участь постигла и Адольфа Бека. Сбылось

пророчество старика, убитого бароном ни за что ни про что по дороге с аэродрома. В ночь на 29 июля 1942 года «красный петух» высоко в небо взметнул свои крылья над разбойничьим гнездом. Два десятка партизан, ворвавшись в баронское поместье, перебили часть охраны, подожгли складские помещения, уничтожили тракторы и другой сельскохозяйственный инвентарь, пленили управляющего, а в спальню Бека бросили гранаты.

Одними из первых на оккупированной территории Ленинградской области начали разить меткими пулями врага партизаны диверсионного отряда «Дружный». Это были дновцы, которых из села Поддорье через топи, густые заросли кустарника и заболоченные леса привел к Белому озеру Василий Иванович Зиновьев.

В отряде люди были разные — и по характеру, и по возрасту. По-разному сложилась у них и довоенная жизнь. Василий Власов работал председателем сельского Совета, а разведчик Юра Бисениек летом 1941 года только что окончил среднюю школу и мечтал стать хирургом. Николай Антонов был сапожником, Миша Елкин — трактористом, а Павел Селецкий — партийным работником. Но всех дновцев объединяло и роднило одно чувство — ненависть к фашистским захватчикам.

Отряд был небольшим, но коллектив благодаря стараниям Зиновьева, Тимохина и других коммунистов сложился крепкий и оправдывал свое имя — «Дружный». Почти каждый вечер от берегов лесного озера уходили в ночную темень группы по два-три человека. Они шли на связь, в разведку, делать завалы и засады на дорогах. Когда через день-два бойцы возвращались в отряд, у неярких партизанских костров подолгу не смолкали разговоры. И часто над задумчивой тишью лесного озера плыло негромкое, задушевное:

Ревела буря,
Гром гремел...

Эта песня была любимой в отряде. Особенно ее любил командир — Василий Иванович Зиновьев.

Партизаны уважали своего командира. Да и как было не любить этого, точно дубовыми клепками сбитого человека? В походе и в бою он был первым, пайку хлеба получал последним.

Двух вещей не терпел Зиновьев: трусости и бахвальства. Еще

тогда, когда отряд пробивался к озеру Белому, произошел такой случай... Несколько часов тащились партизаны без отдыха по непроходимому болоту. То и дело кто-нибудь срывался с кочки и по пояс проваливался в черную жижу. Передвигались молча. И только дновский милиционер Федоров время от времени чертыхался. После одного из провалов в болоте он истерично закричал:

— А, черт, конец здесь всем.

Крышка!..

К нему подошел командир. Бойцы насторожились: что-то будет?

— Конец, говоришь, пришел? — насмешливо спросил Зиновьев. — Ну что ж, человеку один конец положен. Два конца только у сардельки бывает.

И, уже обращаясь ко всем, властно приказал:

— Продолжать движение!

Однажды, вернувшись в лагерь после удачной диверсии, один из помощников командира рассказывал товарищам о ходе операции. В конце самоуверенно заявил:

— А вообще, немцы — слабина. Их хорошенько шугануть — они и лапы кверху. Думаю, что...

— Мало думаешь, — перебил Зиновьев рассказчика, — попетушиному рассуждаешь. Заносчивость и похвальба неуместны для партизана. Разве не фашисты топчут нашу землю? Разве не они окружили Ленинград? Враг и силен и коварен. Нам многому еще придется научиться, чтобы победить его.

Зиновьев никогда не пренебрегал осторожностью. Этому учил и бойцов. Только высокая бдительность и постоянная боевая готовность, которых так твердо добивался командир, спасли отряд, когда в один из осенних дней предатель привел на рассвете карателей к партизанскому бивуаку. Фашисты надеялись окружить партизан, напасть врасплох, но встретили организованное сопротивление.

В том бою сверкнул новыми гранями и характер комиссара. Отход

Василий Иванович Зиновьев

отряда прикрывал Зиновьев. Вскоре ему пришлось туго: вот-вот окружают враги. И тогда на выручку поспешил Тимохин с пистолетом и гранатой в руках. Так они и отошли, поддерживая огнем друг друга, рядом — командир и комиссар.

«Дружный» своей базы не имел, и с питанием нередко были перебои. Дновцам часто приходилось довольствоваться картофельной похлебкой, а то и кружкой болотной воды. Юра Бисениек всегда шутил при этом:

— Ничего, пить можно. Чарка на чарку — не палка на палку.

И под общий смех просил добавки. Осушал вторую кружку мутноватой жидкости и с сожалением говорил:

— Хорошо пьется: одно доньшко остается.

Одним из увлечений Юры до войны был фольклор: юноша собирал и записывал русские пословицы и поговорки. Знал он их превеликое множество и часто пользовался ими в трудные минуты партизанской жизни.

— Что задумался, Василек? — обращался шутник к отрядному повару Василию Скипидарову, видя, что тот пьет «партизанский чай» без всякой охоты, — этак пить — людей смешить. Пей, дорогой, без поливы и капуста сохнет.

И опять смеялись бойцы. И вновь на душе было легче.

Шли дни. Удары дновских партизан становились сильнее, ощутимее для врага. В Ленинградском партийном архиве хранятся документы, рассказывающие о боевых делах отряда «Дружный». Вот хроникальная запись некоторых из них:

— 25 сентября 1941 года. Произведен взрыв железнодорожного полотна на участке Морино — Волот. Во время минирования уничтожена автодрезина, убито 7 гитлеровцев. Задержавшийся на станции Морино в ожидании ремонта пути фашистский эшелон атакован и разгромлен нашими летчиками.

— 2 октября 1941 года. Спущен под откос воинский поезд. На участке Вязье — Бокач на двое суток приостановлено движение.

— 4 октября 1941 года. Подрывники отряда минировали шоссе у деревни Бельск. Подорвалось 3 грузовика, погибло около 30 гитлеровцев.

Поздней осенью 1941 года комиссар 2-й Ленинградской партизанской бригады С. А. Орлов отправил в Смольный письмо-донесение на имя начальника Ленинградского штаба партизанского

движения, секретаря областного комитета партии М. Н. Никитина. Рассказывая о деятельности народных мстителей, он писал: «В нашем коллективе много замечательных людей, имена которых войдут в историю. Вот, к примеру, боевой председатель Дновского райсовета Зиновьев Василий Иванович — замечательный большевик, лучший партизанский командир в нашей округе, под руководством которого отряд спустил под откос три вражеских эшелона».

Во многих деревнях окрест озера Белого жители знали о партизанах-дновцах. Знали не только по диверсиям, но и по личным встречам с Зиновьевым и Тимохиным, которые все чаще и чаще навещали бывших колхозных активистов. Во время таких встреч партизаны получали сведения о немецких гарнизонах и хлеб, жители оккупированных деревень узнавали правду о положении на фронтах и запасались листовками, напечатанными во «взятом» гитлеровцами Ленинграде.

Помогали отряду и стар и млад. Однажды под вечер Тимохин направился в деревню Ботаног. Только хотел выйти из кустарника на дорогу, видит — машины идут. Залег в орешнике. Мимо промчались два грузовика. В деревню нагрянули гитлеровцы. Вскоре, как обычно, раздались выстрелы, крики. Потом все смолкло... Лежит комиссар насторожившись и вдруг слышит шорох сзади. Оглянулся — ползут в его сторону двое ребят, парнишки лет по двенадцати. Ползут и что-то волокут за собой. Тихонечко окликнул их:

— Вы кто?

— Мы свои, тутошние. А вы, дяденька, партизан?

— Ну, партизан. А что?

— Тогда возьмите двух гусей. Мы их убили, все равно фрицы уворуют. Всю живность увозят...

Темной октябрьской ночью подрывники из «Дружного» спустили под откос вражеский эшелон. Чтобы узнать более детально результаты крушения, Зиновьев послал утром следующего дня на разведку Иванова Александра и Иванова Павла. Разведчики однофамильцы смело вошли в деревню, разузнали подробности крушения и только хотели уходить от гостеприимного хозяина, как под окном раздался резкий, пугающий крик:

— Немцы!

Убежать партизаны не успели и вскоре очутились в толпе, согнанной гитлеровцами у дома старосты. Высокий и тощий

фельдфебель, насупившись, спросил:

— Кто здесь партизан? Выходи.

— Влипли мы с тобой, Саня, в историю с географией, — прошептал Павел.

— Плохи шутки, браток, — так же шепотом ответил Александр, — мужиков из-за нас пострелять могут.

Фашист повторил вопрос. Люди опять безмолвствовали. И тогда фельдфебель приказал:

— Стройся!

Построив мужчин по двое, гитлеровцы погнали их в поле.

Женщины заголосили. Все думали: ведут на расстрел. Но вот колонна миновала овраг, протянувшийся по земле глубокой, черной раной. Показалась насыпь железной дороги. Люди облегченно вздохнули. По насыпи прогуливался офицер. Прибывших он встретил визгливым криком:

— Работать! Поворачивайся, раз-раз! Работать, живо!

Крестьяне, разобрав лопаты и кирки, начали расчищать путь. Усердно растаскивали остатки искореженных вагонов и партизанские разведчики. Александр даже пытался командовать откаткой тендера. Заметив его рвение, офицер записал в блокнот фамилию Иванова и его «брата» Павла. Когда на третьи сутки гитлеровцы отпустили забранных, Ивановы получили от офицера восстановительной роты справку, где говорилось об их помощи германской армии. Справка эта впоследствии не раз выручала разведчиков.

В ноябре группа дновских партизан в составе Ивана Шматова, Юры Бисениек, Сергея Сергеева и Петра Вайчунаса под командованием комиссара отряда Тимохина совершила новую крупную диверсию: взорвала большой эшелон с вражеской техникой. Участник этой операции Иван Антонович Шматов в своих воспоминаниях пишет:

«Гитлеровцы, как правило, усиленно охраняли железнодорожное полотно в лесу. Поэтому решено было подорвать эшелон на чистом месте, неподалеку от полустанка Бокач, где располагался крупный немецкий гарнизон и где фашисты меньше всего ожидали партизан... Часам к двенадцати ночи группа была у цели. Бесшумно сняв двух часовых, мы установили наблюдение за дорогой. Быстро вырыли яму, заложили под стык рельсов заряд, замаскировали его и

протянули шнур до кустов...

Ждали эшелон не менее двух часов. За это время прошли две дрезины, небольшой пассажирский поезд. Рядом с полотном проехали три подводы. Немцы, сидевшие на повозках, громко разговаривали, потом вдруг остановились. Мы всполошились. Однако, немного постояв, фашисты уехали. Наконец со стороны Дедовичей стал слышен ясный «говор» вагонных колес, а вскоре над лесом показались клубы дыма. И вот состав совсем рядом. Юра Бисениек резко дергает шнур. Перед самым паровозом в небо взлетает огненный столб. Локомотив со всего ходу летит в образовавшуюся воронку. На него лезут платформы с танками и орудиями...»

Откуда же узнали партизаны о передвижении столь важного эшелона?

Сведения были получены Зиновьевым и Тимохиным от подпольщицы города Дно Анастасии Александровны Бисениек.

СКВОЗЬ ТЕМЕНЬ НОЧИ

**Нет, лучше с бурей силы мерить,
Последний миг борьбе отдать,
Чем выбраться на тихий берег
И раны горестно считать.**

А. Мицкевич

Бывает так: настигнет путника в лесной глуши ночь, надвинется тьма настолько густая, что кажется, рукой ее можно пощупать. И растеряется человек, страшно станет. Но вдруг где-то поблизости огонек вспыхнет. Полегчает у путника на душе: значит, кто-то невдалеке есть живой.

Таким огоньком для жителей оккупированного Дно были листовки, неожиданно появившиеся в городе в один из сентябрьских дней 1941 года. Дновский железнодорожный узел являлся важным звеном в системе снабжения 16-й немецкой армии резервами и боеприпасами, поэтому оккупационный режим в городе был особенно жестоким. В первый же день оккупации несколько сот

жителей были согнаны на площадь. К забору штыками фашисты прикололи труп растерзанного красноармейца. Здесь дновцы из уст коменданта-гитлеровца услышали грозное:

— Воспрещается...

С тех пор это слово, как занесенный меч, повисло над городом. Жителям запрещалось: появляться на улицах после восьми часов вечера, без специального пропуска выходить из города, брать в близлежащем лесу дрова, появляться на железнодорожных путях за городской чертой, пускать к себе в дом «чужих» лиц, не зарегистрированных в списках комендатуры. За неподчинение — расстрел. По воскресным дням, а иногда и среди недели гитлеровцы «прочесывали» город: устраивали облавы и обыски. Облавы не обходились без многих жертв, обыски — без грабежей и насилий.

Фашисты стремились поломать души советских людей, убедить жителей оккупированных городов и сёл в неминуемой победе немецкого оружия. Издававшаяся в городе на русском языке фашистская газетенка писала: «Советское правительство покинуло Москву и находится в Иране», «Почти все войска Советов разбиты и никогда больше не поднимутся...» 11 сентября она вышла с крикливой сенсацией: «Дни Ленинграда сочтены! Красный Балтийский флот остался без моря!»

Издатель газеты гитлеровец Шуммер, помощники его — предатели Зубков и Белевский ввали много и неумно. О прошлом России в газете, например, писалось: «Страна наша до 1913 года была самой богатой в мире сельскохозяйственной страной... Русские нищие не знали, куда девать собранные куски хлеба...»

И все же жители на первых порах брали газету. Жадно всматривались люди, оглушенные всем происходящим и напуганные террором, в сводки с фронта, пытались среди лжи распознать: как-то там Ленинград? Неужто и впрямь бои идут на Васильевском острове?

И вдруг среди бела дня со стен зданий, с заборов в адрес оккупантов зазвучало гневное: «Разбойники и наглые вруны!» Обращаясь к дновцам, подпольный райком партии сообщал: город Ленина стоит как утес. Никогда он не сдастся на милость врагу. А в конце листовки было сказано: «Мы здесь, мы с вами, дорогие товарищи!»

Появлению первых листовок в городе предшествовало одно небольшое событие на улице Урицкого, в доме, где жили

Советские патриоты, расстрелянные в Пскове (лето 1941 года)

Финогеновы...

В городе Александр Павлович и его супруга Гликерия Степановна были старожилами. Здесь они родились и выросли. Здесь в яблоневых садах и на железнодорожных путях в неустанном труде быстро промелькнула их молодость. Александр Павлович работал сцепщиком на железной дороге. В 1914 году его забрали «служить царю-батюшке». Вернулся с фронта отец восьмерых детей инвалидом. «Германец газом зрение и внутренности попортил», — жаловался он друзьям. Вернулся к разбитому корыту: из казенной квартиры семью солдата выгнали жандармы; в небольшой комнатухе, где ютилась Гликерия Степановна с детьми, прочно поселилась нужда.

Запил солдат, а потом сколотил «липку» — специальный табурет для сидения — и начал сапожничать, затаив глухую ненависть к жандармам и полицейским, ко всему самодержавию. Вскоре за ним утвердилась репутация хорошего мастера.

Шли годы. Дети выросли. Двое умерли, остальные разъехались. С

родителями жила только Настя с сыновьями.

Накануне Великой Отечественной войны Финогенычу (так звали дновцы старого сапожника) перевалило за семьдесят, но работал он с молодым задором, и от заказчиков не было отбоя. По-прежнему любил мастер рюмку, был крут в семье, остр на язык.

..В то утро Финогеныч заканчивал ремонт сапог. В комнате, развалившись в кресле, сидел заказчик — рыжий, пожилой немец. Этот гитлеровец часто заходил к сапожнику и требовал привести в порядок то хромовые сапоги, то дамские туфли. И всегда, ожидая окончания работы, садился напротив Александра Павловича и начинал философствовать. Финогеныч обычно слушал молча, иногда неопределенно хмыкал в бородку, на вопросы отвечал невпопад, какой-нибудь непонятной для немца прибауткой.

Насте нездоровилось. Прислушиваясь к разговору немца с отцом, она полудремала. Неожиданно распахнулась дверь, и на пороге появился Юрка. Увидев сына, Настя вздрогнула и вскочила, а тот, заметив гитлеровца, как ни в чем не бывало прошел к шкафу и начал там что-то перебирать. Немец насторожился и, подойдя к юноше, строго спросил:

— Ты почему не ходил своей муттер раньше?

— К тетке в деревню ездил. Вот пропуск.

— Ты есть комсомол?

— Нет.

— Гут. — Немец заулыбался и уже наставительным тоном добавил: — Фаш весь советска порядок — шлехт. Мы вам будем помогаль делать новый порядок. Но вы не толшен мешать нам.

— Ну, это дудки! — выпалил неожиданно Юрка.

Фашист вновь насторожился и сердито бросил:

— Што такой дудка?

Финогеныч проворно поднялся с табуретки и, подойдя к гитлеровцу, почтительно залебезил:

— А это музыка такая, ваше благородие, дудкой называется, вроде трубы. Парень мастак на ней играть, а она затерялась где-то...— И, протягивая сапоги, с улыбкой закончил: — А вот и сапожки на ваши ножки...

Немец взял сапоги. Придирчиво осмотрел их и направился к выходу. В дверях он повернулся:

— Дудка — это гут. Оркестр. Марш, марш...

Когда фашист ушел, Юрка вынул из кармана руку и положил на стол гранату-лимонку.

— Убери бомбу, — набросился на него дед, — хорош, «дудка»! По всему видать, не клевал тебя жареный гусь в зад.

Юрка понял: дед осерчал. Эту поговорку он пускал в ход всегда, когда был недоволен чьим-то молодечеством.

Полтора месяца Анастасия Александровна ждала посланца от Тимохина, но никогда не могла предположить, что связным райкома будет ее сын. Весь день, вечер и ночь провели они вместе и все никак не могли наговориться. На рассвете Юра ушел. В отряд он уносил ценнейшую информацию о положении в городе и гарнизоне.

Провожая сына, Настя неожиданно по-бабьи разревелась. Юра впервые видел плачущую мать. Растерявшись, он еще раз обнял ее и попросил:

— Мамка, не надо. Ведь ты такая сильная. Я всегда гордился тобой. А Матвей Иванович так мне и сказал: «Райком очень надеется, парень, на твою мать».

Точно теплой волной омыли сердце Насти последние слова сына... Стихли шаги на лестнице. Бесшумно открылась входная дверь. Прижавшись лицом к стеклу, Настя напряженно всматривалась в темень, поглотившую Юрку. На улице было темно, как в угольной яме, но ей казалось, что она различает его рослую фигуру.

Легла на кровать, но заснуть не могла. Опять подошла к окну. Нахлынули воспоминания... Вот она, пятнадцатилетняя, стоит, как и сейчас, прижавшись лицом к стеклу. Только за окном все движется: мелькают сжатые поля, деревья в осеннем убранстве. Над низинами клубится густой туман. Раннее утро. В вагоне все спят. Рядом похрапывает отец. А она все смотрит и смотрит вдаль. На душе страшновато: какой-то он, этот самый Питер, куда мчит их поезд?.. Было это в далеком 1914 году. Семья разрасталась, и перед уходом на царскую службу Александр Финогенов решил отвезти смышленную и бойкую Настю в столицу. Знакомые обещали пристроить девочку на фабрику...

Припомнился приезд на рождественские дни домой спустя три года. Было так приятно идти по родному городку и слышать за собой приглушенный разговор:

— Смотри-ка, да никак это Финогенова Настя?

— Совсем питерская стала!

Приезд Насти домой был большим праздником для семьи, особенно для малышей. Питерская швея привезла из столицы подарки: леденцы, бруски спрессованных крошек от конфет, а главное — много всевозможных обрезков от тканей с марками и штемпелями различных фабрик. Из этих обрезков она весь свой короткий отпуск обшивала меньших братьев, да и сестер постарше себя. Бывало, заберется на подоконник — шьет и поет. Мать подойдет, скажет:

— Шла бы ты, дочка, погулять. На улице морозно, хорошо. Пойди, подыши свежим воздухом.

Улыбнется в ответ:

— А мне и здесь, мама, хорошо.

И вновь мелькает иголка в проворных руках. И вновь звенит девичий голос. Пела Настя грустные песни — «Лучинушку», «Вечер вечерет», но в сердце девушки жила радость: она любила и была любима...

Память воскресила дорогое, заветное... Поздний апрельский вечер 1917 года. У Финляндского вокзала столицы плещется людское море. Огни прожекторов. Знамена. Флаги. Восторженные возгласы. И улыбки — тысячи радостных лиц.

В толпе, встречавшей Владимира Ильича Ленина, возвращавшегося из эмиграции в Петроград, прижатая к перрону, стояла и она, Настенька Финогенова. Рядом с нею, цыганочкой (так звали Настю фабричные подружки), сжав ее локоть, застыл Борис, единственный, любимый. Борис был намного старше Насти, работал в большевистском подполье. Он-то, как утверждали на фабрике, и «заразил Финогенову революцией».

Прозвучал над притихшей площадью пламенный призыв вождя: «Да здравствует социалистическая революция!» Толпы народа двинулись к дворцу Кшесинской. Вместе со всеми за ленинским броневиком, взявшись за руки, пошли и Борис с Настей.

Остаток ночи они провели, гуляя по набережной. С моря тянуло свежим ветром. Он охлаждал и одновременно горячил лица. Борис и Настя устали: почти сутки провели на ногах. Очень хотелось есть: с утра не было во рту и маковой росинки. Но они продолжали бродить по невскому граниту. Настя заливчато смеялась, мечтала вслух о грядущей счастливой жизни. Неожиданно девушка замолчала и попросила:

— Ну, скажи, Боренька, о чем ты сейчас думаешь? На собраниях первый оратор, а сейчас — молчишь.

Борис рывком поднял Настю на руки, закружил, а опуская на землю, горячо прошептал на ухо:

— Настенька, зоренька ты моя ясная...

Радость от того, что этот сильный человек нуждается в ее ласке, любит ее, наполняла сердце Насти до краев. В глазах вспыхнули и заискрились огоньки.

Нет! Не весеннее сумасбродство прорвалось в молодую кровь. Не случайно страстно-горячее увлечение заполнило душу. Всем своим существом Настя понимала: пришло большое, настоящее чувство — яркое, как лучи апрельского солнца, чистое, как родник у лесного озера...

В декабре 1917 года Борис был убит. Темной, промозгой ночью его сразила пулеметная очередь, когда он нес патрульную службу на набережной Невы. Стреляли с «черного ворона» — закрытого автомобиля, сеющего по ночам смерть и панику на улицах революционного Петрограда.

...Вспомнилось прошлое, и Насте стало не по себе. И все-таки уйти от минувшего не хотела. В какой раз подошла к окну. За ним все еще серел неясный полусвет. Как тогда... И опять перед глазами замелькали, точно кадры киноленты, куски прожитого...

Февраль 1923 года. Метельная ночь. Где-то на опушке леса мерцают огни хуторов. Изредка раздаются выстрелы. Стреляют пограничники по санкам, что мчатся по лесной зимней дороге с контрабандой за кордон. Храпят взмыленные кони. Возница с обрезом в руках матерится. А на тюках с запретным товаром, закутанная в большую шаль, плачет женщина, прижимая к груди ребенка...

Бисениек вздрогнула и прошептала:

— Неужели это было?

— Пожалуй, даже сейчас, спустя восемнадцать лет, она не смогла бы толком объяснить, как это все произошло тогда... После гибели Бориса в душе что-то сломилось, надвинулась угрюмая, черная ночь. Жила в каком-то забвенье. В 1919 году уехала к родным в Дно. Начала работать заведующей интернатом девочек при железнодорожной школе. Полуголодные, полураздетые, но полные революционной романтики тех дней, воспитанницы полюбили строгую, молодую и

красивую «тетю Настю». И она оттаяла.

Более года за ней ухаживал беженец — латыш Федор Бисениек. Ухаживал настойчиво, клялся в вечной любви. Согласилась стать его женой. Родился сын — белобрысый крепыш Юрка. А через десять месяцев Федор вместе с некоторыми другими беженцами первой мировой войны уехал в буржуазную Латвию. Не поверила, что мог уехать от нее и сына, не сказав ни слова, ничего не объяснив. Метнулась к границе. Один из себежских контрабандистов согласился прихватить с собой за кордон. Отдала ему золотые сережки и кольцо.

Дорого обошелся необдуманый шаг Насте. Десять долгих лет прожила она в Латвии. Где только не работала, чтобы вырастить сына! Батрачила у прибалтийского барона, служила прислугой у еврея-аптекаря, бежавшего из Дно в дни революции, за гроши трудилась судомойкой в больнице, упаковщицей на фабрике. И все время рвалась обратно, на Родину.

Не могла да и не хотела забыть родное голубое небо, серебро русских берез. Бывало, прибежит заплаканный Юрка, уткнется носом в материн подол и, глотая слезы, жалуется:

— Мам, а мам, меня опять лавочник советским змеенышем дразнил. Мам, покажи карту.

И Настя доставала географическую карту и показывала сыну: какая это большая страна, где живут большевики. Обещала:

— Подожди, сынок, вернемся скоро туда. Там твой дом. Дядя Сережа у нас летчик. Он обязательно за нами прилетит.

В 1932 году хлопоты военного летчика Сергея Александровича Финогенова увенчались успехом. Судьбой его сестры заинтересовался М. И. Калинин и помог ей приехать в Советский Союз. Настя вернулась в Дно. Пошла служить на железнодорожную станцию. Работала хорошо. Растила сыновей. В феврале 1938 года чья-то подлость привела к аресту Бисениек органами НКВД, но не замарала, не запятнала ее.

И все же нелегко было Насте. Оброненные в клубе (уже после ее освобождения из-под следствия) пьяным сотрудником НКВД слова «латвийская шпионка» дали пищу обывателям для кривотолков.

Выручали воля, безупречная любовь сыновей, поддержка хороших людей. А их было немало: и на станции, и в депо, и в городе. Однажды потребовались какие-то справки для ребят. Бисениек пошла в конце

рабочего дня в районный Совет. Печать у председателя, а он отсутствовал. Вежливо спросила у бухгалтера райисполкома Заботиной:

— Не знаете ли, когда придет товарищ Зиновьев?

Та неожиданно окрысилась:

— Подумаешь, мадам из Риги. Подождешь. Здесь почестнее тебя ждут.

Слова упали тяжело, как камень. От обиды лицо Насти покрылось коричневыми пятнами. Повернулась уходить, а в дверях — Зиновьев. Стоит, губы закусил и нервно двумя ладонями поправляет широкий ремень на полувоенной гимнастерке: видно, слышал разговор.

Спросил:

— Вы ко мне?

В тот раз Настя допоздна засиделась в председательском кабинете. А когда спешила домой, из головы не выходили сказанные Зиновьевым на прощание слова:

— Одни люди, Анастасия Александровна, шагают по столбовой дороге, прямо, другие — через рытвины и ухабы. Важно, чтобы человек не свернул с этой столбовой дороги, не поплелся окольными тропками. Вы не из таких. Вот и не мучьте себя попреками за ошибку. Плюньте на обывательские пересуды. Смело смотрите людям в глаза. Убежден: вашим сыновьям не придется никогда краснеть за свою мать...

После прихода сына от Зиновьева и Тимохина Настя самозабвенно, с каким-то безжалостным азартом по отношению к себе отдалась порученному делу. За листовками последовало систематическое распространение советских газет. Теперь нередко жители города находили на базарных столах, в почтовых ящиках своих квартир «Ленинградскую правду», «Смену», а несколько позже и местную районную газету, выпуск которой наладили в лесу партизаны-дновцы.

Ошибся в Анастасии Александровне Бисениек фашистский холуй Ризо, занося ее в свой «белый список» в памятный день 19 июля. Такие ошибки гитлеровцы и их приспешники делали часто, так как не понимали (да и не могли понять!) природу советского человека. На Нюрнбергском процессе Геринг говорил: «Мы многого не знали, а о многом не могли подозревать. Главное, мы не знали и не поняли советских русских... Я говорю не о числе пушек, самолетов и танков.

Анастасия Александровна Бисениек

Это мы приблизительно знали... Я говорю о людях».

Насте хорошо помогали родные — вся семья Финогеновых. Сам Финогеныч, по привычке ворча на дочь и внуков, когда приходила «почта из леса», прятал ее в «липку», а в воскресные дни выдавал Гликерии Степановне по точному счету. Положив листовки под овощи в корзину, старушка отправлялась на базар. Осенью 1941 года это было единственное место, где жители города время от времени могли общаться друг с

другом и крестьянами близлежащих деревень. Продажа и покупка совершалась на советские и немецкие деньги. В ходу были одежда, овощи, спички (10 рублей за один коробок), сахарин (одна таблетка стоила рубль). Разрешалась продажа петухов. «Товар» Гликерии Степановны расходился быстро, хотя и «продавался» по особому выбору: тем, кого называла Настя и кого хорошо знали в семье Финогеновых.

Однажды, когда Настя упаковывала на кухне «воскресную корзинку», к ней подошел Костя.

— Что тебе, сынок?

— Мамка, а ты разве не догадываешься? Ведь я знаю, что под морковкой спрятано.

У Насти захолонуло в груди, в висках застучало. «Нет! Нет! Что бы там ни случилось, а Костенька должен быть в стороне...» Сердито ответила:

— Не суйся не в свое дело.

— Как это не мое? Вы с дедом и бабкой — беспартийные, а я — пионер, и вдруг «не твое дело».

Настя невольно улыбнулась, а Костя уже подсел, ласкается... Очень похожие друг на друга, сидели на скамейке рядом мать и сын. У матери в глазах испуг, руки судорожно сжимают корзинку. У сына в глазах лукавые искорки. Одной рукой он обнял мать, а другой вытаскивает из корзинки пачку листовок.

— Это, мамка, моя порция. А бабушке дед еще выдаст.

Юрий Бисениек

Сказал и выбежал на улицу, где из хмурых туч выглянуло солнце.

Смышленный, расторопный подросток проникал туда, где взрослым появляться было невозможно. Через него листовки попадали в лагерь к военнопленным, к полицаям, охранявшим склады, и даже в городскую управу — на стол предателям Ризо и Скрыгину.

Младшая сестра Анастасии Бисениек — Евгения в 1941 году учительствовала в деревне Лукомо Дновского района. С приходом

фашистов школа не возобновила занятий 1 сентября. Финогенова получила от старосты документ, разрешающий ей один раз в неделю посещать родных в Дно. В первый же приход в город она быстро нашла общий язык со старшей сестрой и включилась в работу подпольщиков. Как отмечает в своих воспоминаниях секретарь подпольного райкома партии М. И. Тимохин, сведения о противнике, собираемые Евгенией Александровной Финогеновой, всегда отличались большой точностью.

Были у Насти и помощницы среди тех, кто обслуживал воинские части гитлеровцев. Ценные разведывательные данные она получала от Зины Егоровой и Нины Карабановой. Бывшая десятиклассница, Нина поначалу работала уборщицей в здании, где размещались штабные офицеры, затем на уборке овощей в питомнике, куда часто пригоняли военнопленных. Девушка быстро установила контакт с некоторыми из них. В лагерь стали попадать листовки и советские газеты.

Однажды красноармеец, в прошлом студент-горняк, проходя мимо Карабановой, попросил:

— Девушка, достаньте мне карты.

Нина опешила:

— Игральные?

— Что вы, милая, района вашего.

Инна выполнила просьбу: передала компас, карту Дновского района и гражданскую одежду. Несколько военнопленных бежали.

Константин Бисениек

В конце 1941 года к дому сапожника Финогенова (он был очень удобен для нелегальных встреч) тянулись нити с конспиративных явок, из городских и сельских антифашистских групп. Пройдя через руки Анастасии Александровны Бисениек, разведывательные данные различными путями, чаще всего с помощью «лесных гостей». Два раза в Дно на связь приходил Юра Бисениек, четыре раза — Шура Иванова, единственная девушка в отряде «Дружный».

До войны Иванова долгое время работала в райкоме комсомола, и в городе ее многие знали. все же Зиновьев охотно отпускал Шуру в Дно, верил в ее отвагу и находчивость. Связная исчезла из отряда ночью. Утром она уже толкалась на базаре. В сумерки забегала к Финогеновым.

Однажды Иванова направилась на явочную квартиру в деревню Выскодь, где должна была встретиться с Анастасией Александровной Бисениек. Пришла рано, видит — на двери замок, поняла: что-то не ладно. Уйти незаметно назад? А как же Бисениек? И связная приняла смелое решение: идти навстречу, предупредить. Погода выдалась в тот день на редкость отвратительная. Дождь шел вперемешку со снегом будто разверзлись все хляби небесные. За ночь Шура прошла около 30 километров, устала донельзя и все же, не мешкая, двинулась в сторону Дно.

Она встретилась с Анастасией Александровной на дороге, еле успела обменяться несколькими фразами. По большаку уже мчались машины гестапо. Отступить было поздно. Догнав плетущуюся по большаку старуху с мешками, Шура взялась помочь тащить ее скарб.

Первая машина остановилась. Из нее выскочили два офицера и женщина в меховой шубе, с круглым, рябым лицом. Гестаповцы сделали вид, что собираются чинить моторы, а их «дама» пошла наперерез партизанке. Подняв глаза, Шура вздрогнула: перед ней стояла сотрудница гестапо Заботина, работавшая до войны бухгалтером райисполкома. Выручить могла только отчаянная смелость.

— Здравствуй, Дуся!

— Здравствуй, Иванова! Ух, да ты какая худющая! Плохо тебе, видно, в лесу живется. А где же твои товарищи?

— А они поблизости, с пулеметом сидят.

Сказала и зашагала по грязи. Страшные это были шаги. Одно слово предательницы — и гестаповцы схватят или пристрелят на дороге... Но видимо, струсилa, побоялась мести Шуриных товарищей продажная тварь.

Иванова не только приносила в город газеты, листовки и забирала там информацию для райкома — она и сама многое запоминала и замечала. Маршрут ее всегда проходил вблизи аэродромов, позиций зенитных батарей или блиндажей, выпиравших из земли, точно бородавки.

Разведданными дновских подпольщиков часто пользовались советские авиаторы. Однажды, не успел немецкий танковый батальон разместиться на одной из окраинных улиц Дно, как над городом неожиданно появился самолет. Он пронесся низко-низко над крышами и точно сбросил три бомбы на закрытые брезентом танки. Через несколько дней такая же участь постигла и крупный склад боеприпасов, созданный фашистами скрытно на окраине города. Полдня рвались снаряды, почти на сутки вышел из строя железнодорожный узел.

Гестаповцы понимали, что эти налеты — результат сообщений разведчиков. Оккупационный режим в городе стал еще строже. Пригородный район наводнили каратели. Их предводитель — генерал фон Шпекк — поселился в Дно, занял небольшой каменный особняк в саду. Это был дородный немец лет пятидесяти, с типичным лицом пруссака, какие в Германии до войны можно было увидеть на семейных портретах почти в каждом юнкерском поместье. Генерал любил фарфор и награбил его немало.

В один из декабрьских дней, уезжая утром в гестапо, фон Шпекк зашел в кабинет полюбоваться своими коллекциями. Удовлетворенный, насвистывая марш, направился к машине. На крыльце генерал повернулся, чтобы закрыть дверь, и остолбенел: к двери была аккуратно пришпилена листовка. Вверху, над текстом, синим карандашом написано: «Бандиту и вору фон Шпекку, лично».

Некоторое время черты лица и осанка карателя выражали смесь растерянности и страха. Затем он побагровел и злобно приказал

шоферу:

— Ризо. Сейчас же!

Долго отчитывал генерал привезенного Ризо.

— Ты есть сукина сволочь. Проморгал партизанен. Никакой им пощады! Смерть! Немедленно! — кричал он в исступлении с крыльца вытянувшегося в струнку предателю.

Наблюдавший за этим разносом с чердака противоположного дома Костя Бисениек испытывал неведомое до сих пор чувство превосходства над врагом. Он видел: «самый главный фриц» испугался. Значит, права мать, говоря: «Не так страшен черт, как его малюют».

ПЕСНЯ СМЕЛЫХ — БОРЬБА

**Нам дан брильянт, чтоб мы его блюли
За десятью замками: твердый, верный,
Отважный дух в груди нелицемерной.**

В. Шекспир

Лютые ветры, точно схлестнувшись в поединке, жестоко бушевали всю первую военную зиму над Невой. Кто сражался за город Ленина в годы Великой Отечественной войны, тот никогда не забудет тех дней, когда у ленинградцев не было ни хлеба, ни тепла, ни света... Январь 1942 года. Город затемнен. Седой иней лежит на покалеченных колоннах дворцов. Пропали голубые искры у трамвайных проводов. В снежных наметах стоят троллейбусы и трамваи. Рядом трупы. Это погибшие от голода, но не побежденные люди. Не люди — титаны!

Сорокаградусный мороз сковывает движения, но по льду Невы тянется вереница стариков, женщин, детей, закутанных в платки. В руках у них бидоны. Очередь за водой... Противный, зловещий свист. Рвется шрапнель. Белоснежный покров у проруби темнеет от крови. Фашисты специально стреляли по местам, где черпали измученные люди живительную влагу. На допросе пленный командир орудия 910-го артиллерийского полка фельдфебель Фриц Кепке (эти показания были представлены суду во время Нюрнбергского

процесса) говорил: «...Все расчеты орудий знали, что обстрелы Ленинграда были направлены на разрушение города и уничтожение его гражданского населения. Поэтому они иронически относились к сводкам немецкого верховного командования, в которых говорилось об обстрелах «военных объектов Ленинграда». Стреляя по городу, солдаты и офицеры сопровождали выстрелы выкриками: «Еще куча трупов!», «А ну-ка, еще в один дом трахнем!», «А ну, давай фарш!»

Только с декабря 1941 года по март 1942 года гитлеровцы выпустили по Ленинграду 20 817 снарядов!

В ужасных условиях блокады город боролся, воевал. Получая скудный хлебный паек, пахнувший полынью, тысячи ленинградцев ежедневно появлялись в цехах заводов, шли к станкам: делали снаряды, мины, ремонтировали танки, корабли.

Много есть городов на белом свете, богата история европейских столиц осадами и сражениями, но ни у кого из них нет судьбы Ленинграда: ни у Рима с его многовековой историей, ни у Парижа с его тысячелетием. Эта судьба испытана огнем и голодом, страданиями девятисотдневной блокады, сотнями бомб и десятками тысяч снарядов, варварски обрушенных на жилые кварталы города. Человечество всегда будет помнить: мы вошли в Берлин потому, что фашисты не вошли и не могли войти в Ленинград.

Ленинград оборонялся активно. Краснознаменный Балтийский флот — любовь и гордость города-богатыря — наносил удары по далеким тылам противника. За 35—40 километров доставали своими снарядами танковые колонны врага, его штабы и склады дальнобойные орудия крейсеров и специальных железнодорожных морских батарей. Подводные корабли балтийцев форсировали крупнейшие в мире противолодочные заграждения (зарубежные специалисты, в том числе и наши союзники, считали их непроходимыми) и топили немецкие транспорты за сотни миль от Кронштадта. Непрерывно действовала морская авиация.

Для уничтожения важных объектов, для дерзких рейдов по тылам 16-й и 18-й немецких армий и поддержания духа населения оккупированной территории Ленинградской области фронт посылал парашютно-десантные отряды. Один из таких отрядов произвел крупную диверсию в Дновском районе в январе 1942 года. Карателям удалось вблизи деревни Нинково Лукомского сельсовета настигнуть и окружить небольшую группу десантников. Советские воины,

вооруженные автоматами, засели в риге и храбро отбивались целый день. Потерпев неудачу в открытом бою, гитлеровцы и полицаи начали обстрел риги зажигательными пулями. Спаситься сумел лишь один парашютист (кто он — до сих пор неизвестно), остальные смельчаки погибли.

Партизаны 2-й бригады и подпольщики Дно понимали, что лучшая помощь Ленинграду — это систематические удары по коммуникациям осадных войск, особенно по железным дорогам. Еще с осени 1941 года между охранными частями гитлеровцев и партизанами разгорелось ожесточенное состязание за стальные пути, идущие к Ленинграду, Москве и другим жизненно важным центрам Советской страны. Размах этой борьбы был настолько значительным, что ее тактику разбирают и поныне многие иностранные историки и мемуаристы. Так, Ч. О. Диксон и О. Гейльбрунн в книге «Коммунистические партизанские действия», изданной в Лондоне в 1954 году, пишут:

«Вначале немцы прицепляли впереди паровоза несколько пустых платформ. Как только партизаны разгадывали эту хитрость, они стали закладывать такие мины, которые пропускали легкие платформы, но взрывались под тяжестью паровоза. Немцы стали нагружать платформы камнями. Тогда партизаны начали устанавливать мины замедленного действия. И снова платформы проходили, а эшелоны летели под откос. Позже немцы стали высылать вперед дрезину для проверки пути. Тогда партизаны пропускали дрезину и подрывали мины с приближением эшелона. Это было очень опасным делом, но эшелоны подрывались по-прежнему...

Немцы разработали сложную систему охраны железных дорог, защите которых они отдавали предпочтение перед всеми другими объектами. Они выставляли посты на каждой железнодорожной станции и блок-посту, на каждом железнодорожном мосту, в туннелях, у водопроводных башен и даже у полотна, если расстояние между станциями было слишком большим. Посты расставлялись таким образом, чтобы самостоятельно и с помощью патрулей они могли поддерживать связь друг с другом. Посты должны были постоянно вести наблюдение на своих участках с целью задержания диверсантов. Время от времени они должны были осматривать пути с целью выявления заминированных участков. Кроме того, они

должны были поддерживать свои основные посты на станциях. Железнодорожная охрана часто пользовалась собаками-ищейками».

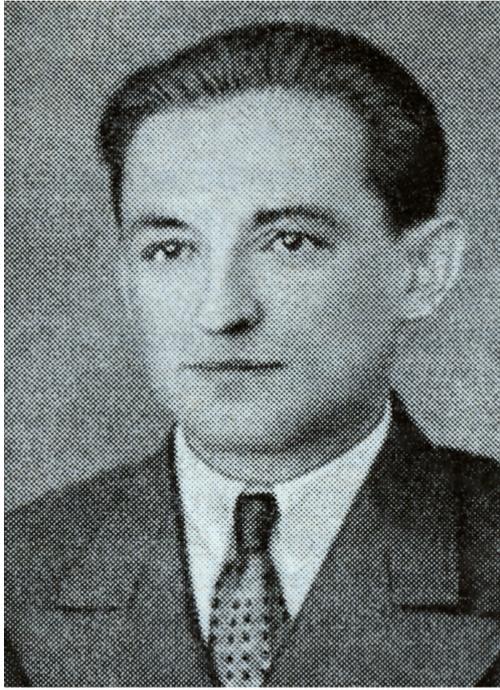
Все эти способы и ухищрения применялись и на Дновском железнодорожном узле. И даже больше: задержанные здесь в зоне охраны гражданские лица немедленно расстреливались. И все же фашистские эшелоны на участках Дно — Псков и Дно — Старая Русса часто гибли от «колобашек» (так окрестили партизаны связки гранат и тола). Массу неприятностей имели оккупанты в депо и на станции. Опилки и песок в бумажках, взрывы паровозов, постоянные задержки их в ремонте, замороженная водопроводная труба и другие диверсии говорили сами за себя. А паровозы гитлеровцам были нужны до зарезу. Советские войска упорно перемалывали фашистские дивизии под Ленинградом — необходимо было постоянно подбрасывать резервы к линии фронта.

Гестапо удалось в начале февраля 1942 года арестовать организаторов диверсий. Это были хорошо известные в Дно машинисты — свояки Валентин Эммануилович Капустин, Федор Николаевич Давыдов и Сергей Александрович Скриповский. Три друга — три коммуниста.

История их обычна для того необычного времени. Из города уехали с последним эшелоном в 3 часа ночи 19 июля 1941 года. В Ленинграде добровольно вступили в партизанский отряд, созданный политотделом Ленинградской железной дороги. Формировал отряд начальник политотдела Александр Николаевич Стукалов, хорошо знавший многих ленинградских железнодорожников.

После непродолжительной подготовки отряд в количестве 46 человек (из них 33 партизана были дновцами) под командованием ленинградского рабочего Степана Дмитриева перешел 5 сентября вместе с войсковой разведкой линию фронта в 7 километрах от станции Вырица. Начало своего боевого пути партизаны-железнодорожники ознаменовали подрывом с помощью электрических мин двух вражеских эшелонов. Затем произвели смелый налет на станцию Оредеж. В дальнейшем отряд оперировал в районе железнодорожной ветки станция Батецкая — город Новгород.

В начале ноября командир отряда получил приказание перебросить небольшую диверсионную группу на Дновский узел. Вызвались идти Капустин, Давыдов, Скриповский и еще 3 человека. Напутствуя бойцов, бывший секретарь деповской партийной

Валентин Эммануилович Капустин

организации Пушкин сказал Капустину:

— А может быть, Валентин, тебе все же не стоит идти? Кого-кого, а тебя в городе почти каждый знает.

— Ничего. Пойду, — ответил Капустин. — А что знают, так это, пожалуй, и к лучшему.

Вернувшись в родной город, якобы в поисках семей, друзья устроились на работу. Вели себя они очень осторожно, ибо прекрасно понимали, что гестаповцы установят за ними слежку. Работали старательно, мало с кем общались, иногда в воскресные

дни появлялись в общественных местах навеселе. Кое-кто укоризненно поговаривал.

— Прогуливают совесть свояки.

Однажды они и вовсе напились: шли втроем в обнимку и горланили непристойную песню. На улице Урицкого столкнулись с Финогенычем и Анастасией Бисениек, возвращавшимися с базара.

— Финогеныч, роднуля ты моя сапожная, — бросился обнимать старика Скриповский.

— Гражданочка, дайте я вас по-по-целую, — пьяно заикаясь, облапил Настю Капустин.

Отец и дочь с трудом отбивались от загулявших дружков. Придя домой, Александр Павлович начал костить их направо и налево:

— Сучьи дети! Обормоты несчастные! На водку честь машинистов променяли. Трусы проклятые, а еще партийцы... И ты хороша! — накинулся разошедшийся старик на дочь. — Чего улыбаешься? Вместо того чтобы по роже охальника съездить, пакет потеряла. Что в пакете-то было? Картошка?

Настя вполголоса ответила:

— Не шуми. Не потеряла, а нарочно отдала. А в пакете была не картошка, а мина, от которой паровозы взрываются.

Немного помолчав, добавила:

— Коммунисты они, отец. Такие всегда и везде остаются коммунистами.

Финогеныч виновато хмыкнул и, покрутив пальцем бородку, закончил разговор, как и обычно, прибауткой, адресуя ее на этот раз, очевидно, себе:

— Ладила баба в Ладугу, а попала в Тихвин.

Группа Капустина действовала два месяца. Какой-то негодяй подслушал разговор машинистов-подпольщиков о готовящейся диверсии и донес в полицию.

...Неделю продолжались допросы. Не дрогнули друзья, не выдали тех, с кем установили связь, кого вовлекли в борьбу. Особенно люто пытали гестаповцы Капустина. Им стало известно, что до войны он был парторгом паровозного депо.

— Мы забудем, что ты есть большевик, — льстиво обещал на последнем допросе следователь. — Мы сделаем тебя совсем богатый человек, только не молчи, получишь золото.

— Молчание — золото, — с усмешкой ответил Капустин.

Тогда гестаповец приказал принести последнюю капустинскую мину. Подручный вынес из коридора небольшой угольный шар (сильнодействующее взрывчатое вещество в такой мине покрывалось клейким составом и щедро обсыпалось угольной пылью) и положил его на стол.

— Это мы нашли в паровозном бункере. Наш человек видел, как ты бросал эту штуку туда, — фашист показал рукой на мину и зло пригрозил: — Теперь мы будем вешать ее тебе на шею и во дворе производить... как это по-вашему называется? Да, да, крушение.

Капустин молчал.

Следователь подошел вплотную, ослабился:

— Испугался? Колотится сердце от страха, стучит?

Валентин посмотрел на мучителя и вдруг как-то совершенно ясно увидел: в надменном и властном немце дрожит мелкая подлая душонка. Ответил насмешливо:

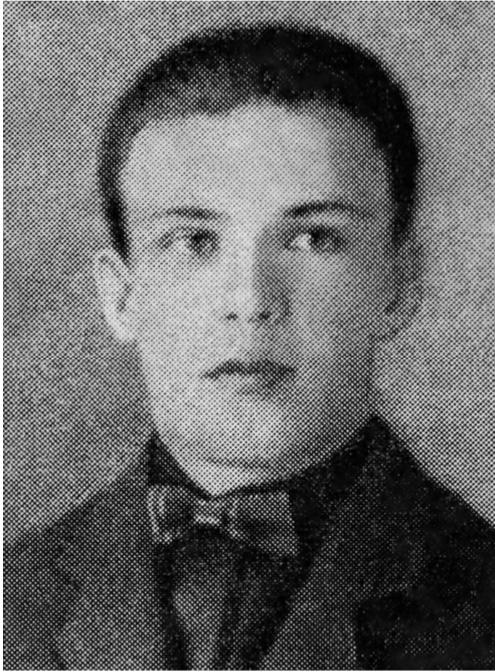
— Конечно, испугался. Боюсь, что стук моего сердца услышат на паровозе бронепоезда, где я оставил второй такой гостинец.

— Черт побери! — выругался следователь.

— Дайте срок, поберет. Черту ведь тоже нужно время. Он не так оперативен в отношении вашего брата, как мы.

Это была последняя шутка всегда находчивого на слово коммуниста Валентина Эммануиловича Капустина...

Сергея Скриповского на последнем допросе не били. Допрашивал

Сергей Александрович Скриповский

его сам начальник отделения СД. Задавал вопросы майор вежливо, обещал жизнь за два признания: Сергею следовало подтвердить виновность в диверсиях Капустина и указать источник, откуда группа получала взрывчатку.

Сергей отвечал односложно: «не знаю», «не слышал», «не видел». От голода и избиений он очень ослаб и еле держался на ногах. Майор заметил, что арестованный ежеминутно облизывает губы. Разрешил сесть, приказал подать стакан крепкого чая. Сергей не удержался и сделал

несколько глотков. Фашист усмехнулся про себя и неожиданно мягко спросил:

— Я слышал, вы гитарист и, кажется, даже виртуоз.

— Да, — впервые утвердительно ответил Скриповский.

— Видите, как мы о вас осведомлены. Знаем и про матушку вашу, про хороший голос ее. Нам даже известна и ваша любимая песня — романс про костер и цыган. Я прошу вас: вот гитара, сыграйте и спойте. Лирическая песня, по-моему, помогает лучше ценить наше брэнное существование на земле.

С изумлением слушал эту тираду подпольщик. И только последняя фраза помогла понять, куда гнет фашист.

Что-то жуткое, противоестественное было в этой сцене. ...Тучный, лысеющий, самодовольный офицер в новеньком, со всеми регалиями мундира, застывший у окна в мечтательной позе, с сигарой в руке. И сидящий на краю кресла гитарист в окровавленной рубашке, с рассеченной губой и заплывшим от синяка глазом.

Скриповский взял несколько аккордов. Вздохнул полной грудью и начал песню. Грустно-мелодично прозвучали слова:

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...

Майор одобрительно кашлянул. И вдруг с уст певца задорно и громко сорвалось:

Партизаны немцев встретят
И пристрелят на мосту...

Гестаповец от неожиданности выронил сигару. Затем подбежал к Скриповскому и сапогом ударил в лицо. Из-за портьеры на спину узника бросилась овчарка.

В полночь гестаповцы увезли арестованных подпольщиков за город и расстреляли.

Гибель группы Капустина, новые аресты в депо, меры, принятые фашистами на железнодорожном узле (часть русских машинистов была уволена, другие переведены в кочегары) сделали свое дело. Диверсии на время прекратились. И тогда Бисениек решила повидаться с Филюхиным.

Иван Васильевич Филюхин трудился на транспорте с начала двадцатых годов. Он хорошо помнил времена, когда в депо приходили наниматься на работу сезонники в лаптях, а на строительстве дороги пользовались тачками. Трудолюбие и неугасимая страсть к технике помогли Филюхину стать замечательным машинистом и наставником многих дновских парней, начинавших свой трудовой путь кочегарами. Незадолго до войны его, несмотря на отсутствие диплома, выдвинули на должность инженера. С утра и до поздней ночи работал Иван Васильевич в депо. А воскресные дни отдавал саду. Пчелы и цветы были его страстью.

Когда пришли немцы, Филюхин некоторое время не работал, но вдруг вновь появился в депо и как ни в чем не бывало приступил к выполнению своих обязанностей. Работал усердно. Мастер Мюллер, распорядившийся деповскими рабочими, говорил своему другу — гестаповцу:

— Этот толстый чурбан Филюхин — золотые руки. Он любит деньги и почтение. Нужно делать вид, что его уважаем, и не бить по морде.

О том, что Иван Васильевич остался в Дно по заданию райкома партии, в городе знал лишь один человек — Анастасия Александровна Бисениек. Действовал пока Филюхин в одиночку, был очень осмотрительным... По дороге к нему Насте вспомнилась их первая встреча, в октябре. Пришла она тогда рано утром — перед уходом Филюхина на работу. Постучала, как положено, четыре раза в

Федор Николаевич Давыдов

окошко и, как было условлено с Тимохиным, спросила:

— Иван Васильевич, продайте, пожалуйста, клубни георгинов.

— А какого цвета нужны тебе георгины? — не открывая двери, спросил Филюхин.

И тут Настя, запаматовав, вместо «пунцового» сказала «алого». За дверью раздался сердитый голос:

— Ишь ты, цветочница какая выискалась. Люди на работу, а она баклуши бить. Нет у меня георгинов. Уматывай, бездельница.

Хорошо, что через неделю в городе появилась связная райкома партии Шура Иванова. После ее прихода Филюхин принес к отцу Насти в починку сапоги. Когда старик за чем-то вышел в другую комнату, Иван Васильевич подошел к Насте и, посмеиваясь, тихо сказал:

— А георгины нужны тебе, Анастасия да свет Александровна, пунцовые. Вот так-то.

...На улице было зябко, безлюдно и как-то тревожно, точно не мороз, а лютая злоба сковала город. На железнодорожных путях шарил резкий ветер. Насте в легком пальто было холодно, но идти быстро мешали старые валенки, которые она несла через плечо. Вот наконец и домик с двумя верандами. Только Настя хотела постучать, как сзади кто-то прошамкал:

— Стой-ка.

Обернулась. Из-за угла вышел фашистский холуй Скрыгин.

Народ наш нашел много метких названий для подлости. К Скрыгину — злобному старцу, появившемуся в Дно вместе с гитлеровцами, — слово «гнусь» подходило лучше всего. Жестокость сочеталась в нем с фарисейством святоши.

— Ты, молодка, чья?

— Финогенова, сапожника, дочка, господин Скрыгин. — Слово «господин» Настя буквально выдавила из себя.

— А к кому идешь спозаранку?

— К мастеру Филюхину. Отец наказал валенки подшитые занести.

— А в валенках что? — Водянистая рука с набухшими жилами потянулась к Насте.

— Самогонка... — Настя вынула из огромного валенка бутылку и, потупившись, прошептала: — Сегодня день-то праздничный... Вот и решили побаловаться с мастером...

В этот момент в доме Филюхина со скрипом приоткрылась дверь. Скрыгин грубо выругался и пошел прочь, гнусава:

— Сказано в писании: не надейся ни на князя, ни на сыны человеческие...

Войдя в комнату, Настя в изнеможении опустилась на диван. Ее лихорадило. Филюхин подсел, накинул на плечи полушубок, спросил:

— Ты что, замерзла? Или этой мрази испугалась?

— Чуть не засыпалась, Иван Васильевич. В валенках взрывчатка... Это вам, — Настя слабо улыбнулась, — мой подарок ко Дню Красной Армии... Отомстите за ребят, учеников своих.

Через два дня в дновское отделение гестапо позвонили со станции Ордеж. Отремонтированный в Дно паровоз взорвался в пути. Взрыв вызвал крушение: погибло много военной техники. Спустя неделю раздался взрыв и в самом Дно. Подполье действовало!

Весна 1942 года пришла как-то неожиданно: быстро растопила снега на полях, бурым стал ледовый панцирь рек и озер, запустила вперегонки сотни лесных и придорожных ручейков. В такую дружную весну, говорят старики, даже самая ленивая соха и та пахать начинает. Май вызеленил берега Великой и Шелони, а на согретую весенним солнцем землю все еще не ступала нога пахаря.

Во многих деревнях некому было пахать. Еще зимой Пришелонье выдержало несколько набегов карателей. Они врываются в села, подозреваемые в связях с партизанами. Согнав на площадь жителей, расстреливали несколько человек, поджигали постройки и угоняли оставшихся в живых мужчин в Дно, Порхов или Дедовичи. Утопая в снежных наметах, шли, понукаемые гитлеровцами, на свирепом ветру старики, подростки. Шли с обнаженными головами, полураздетые. Редко кто из них возвращался из немецких комендатур домой.

Командование группы немецких армий «Север» предприняло в 1942 году несколько карательных экспедиций против Партизанского края. Каратели жгли непокоренную территорию с воздуха, утюжили танками, в неистовой злобе сметали с лица земли захваченные в бою

деревни. В штабе «Север» понимали, что сила партизан — в единении с населением. После неудачной попытки ворваться в центральную зону Партизанского края главарь карательной экспедиции генерал Шпейман докладывал: «...Если во время наступления не удалось захватить основные силы партизан, то это объясняется их превосходной системой связи...»

Вот тогда-то, подобно волчьей стае, и начала рыскать по псковской земле бандитская шайка «Ваффен СС ягд фербанд «Ост». В переводе на русский язык это означает «Истребительное соединение «Восток» войск СС». Состояло оно из матерых предателей: кулачья, подонков уголовного мира. Возглавлял этих убийц прожженный провокатор Мартыновский. Ближайшими его сподручными по кровавому ремеслу были сын лужского адвоката Игорь Решетников (за особые заслуги он получил звание капитана войск СС), Купфер, Нариз Оскар, Терехов-Орлов, Герасимов, известный под кличкой Пашка-моряк. (Последний до января 1962 года работал проводником мягкого вагона в поездах Киев — Ленинград. Псковские чекисты сорвали с него маску. Осенью 1962 года убийца и насильник Герасимов был приговорен судом к расстрелу.)

Страшные дела творил отряд Мартыновского. Действуя по планам фашистской разведки, бандиты выдавали себя за партизан. Нацепив на шапки красные ленточки, они врываются в деревни, где убивали одного-двух полицаев. Как своих, родных и близких принимали их крестьяне. Открывались сердца... Это-то и нужно было провокатору Мартыновскому. Ночью вместе с подоспевшими гестаповцами бандиты творили свою кровавую и грязную работу: хватали партизанских связных, убивали активистов, вылавливали укрывшихся в деревнях красноармейцев, насиловали, грабили, жгли. А наутро полз слух: партизаны-то что натворили...

Действовал отряд Мартыновского под Лугой, затем под Новоржевом и Островом, длительное время находился в городе Себеже. Когда начался разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом, каратели-провокаторы подались в белорусские леса. В 1944 году их кровавый след тянется по польским землям. В 1945 году они объявились в Югославии.

В Дновском и соседнем Дедовичском районе орудовал своеобразный филиал «Истребительного соединения «Восток» войск СС» — 667-й карательный батальон. Формировался он весной 1942

года в селе Скугры. Как и Мартыновский, атаман этой банды А. Рисс принимал к себе самых отъявленных негодяев. Ближайшим сподручным Рисса был Григорий Гурвич. Еврей по национальности, он выдавал себя за украинца. Много крови пролил этот невысокий, плотно сбитый, с шапкой курчавых волос на голове фашистский прихвостень. Однажды, прочесывая лес, он нашел восемь женщин, подростков и детей, прятавшихся в шалаше. Автоматная очередь — и несчастных не стало. В другой раз Гурвич зверски уничтожил всю семью партизана Левченко: убил 12 человек, в том числе 8 детей.

На суде в Новгороде (Г. Гурвич и другой бандит — Н. Иванов сели на скамью подсудимых в марте 1962 года) были вскрыты подробности расстрела на льду реки Полисть гитлеровцами и карателями 667-го батальона более 100 беззащитных жителей деревень Бычково и Починок... Их погнали под пулеметы. Матери в последнем порыве заслоняли детей, умоляли на коленях:

— Не губите малышей! Что понимают они? Терзайте нас, оставьте им жизнь!

У трупов молодой женщины безумно кричал пятилетний сынишка:

— Ой, как страшно, мамочка, встань, родненькая, спрячь меня!

А пулеметы строчили и строчили...

К месту расправы подошел немецкий танк. Остановившись, он открыл огонь по лежавшим на льду умирающим и раненым людям. Стрелял осколочными и зажигательными снарядами. После этого Гурвич и еще несколько садистов спустились с пригорка на лед и добивали тех, кто еще проявлял признаки жизни... Утром следующего дня над грудой мертвых тел уже кружилось голодное воронье...

Усиление боевой активности патриотов в немецком тылу диктовалось общей обстановкой на фронте. К лету 1942 года она сложилась не в нашу пользу. Медлительность союзников в развертывании военных действий (все у них делалось точно по Марку Твену — «со скоростью один квартал в час») позволила гитлеровцам бросить против Советского Союза более 70 процентов своей армии.

В планах фашистской ставки намечался захват Сталинграда и Ленинграда, создание предпосылок для нового и окончательного наступления на Москву. Предполагалось, что взятие Ленинграда и уничтожение Краснознаменного Балтийского флота позволят немецким кораблям в больших масштабах проводить операции

против английских военно-морских сил, а сухопутные войска, ранее запятые на севере, усилят натиск на московском направлении. К Ленинграду из-под Севастополя была переброшена 11-я немецкая армия под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна. К берегам Невы прибыла и вся осадная артиллерия фашистов, принимавшая участие в штурме черноморской твердыни.

Но и на этот раз планы гитлеровских генералов провалились. Ленинград упредил новое наступление врага рядом ударов войск Ленинградского и Волховского фронтов. Советских воинов самоотверженно поддержали партизаны и подпольщики.

Летом 1942 года пламя народного гнева полыхало на всей оккупированной территории под Ленинградом, Псковом и Новгородом. Начальник управления полевой полиции при главном командовании фашистских сухопутных войск в своем докладе от 31 июля 1942 года отмечал районы, где действия партизан носят особенно угрожающий характер. Первым из них на севере он назвал «район болот к юго-востоку от ст. Дно».

На протяжении 1942 года в Дновском районе активно действовало несколько подпольных антифашистских групп. Одной из надежнейших была группа патриотов в деревне Ботаног, расположенной в 25 километрах от Дно. В этот живописный уголок война пришла не сразу. Где-то шли бои, лилась кровь, а у озера с берегами, поросшими сиренью, в березовой аллее, туннелем протянувшейся вдоль проселка, стыла по вечерам дремотная тишина. Людям как-то не верилось, что страшная беда подходит к их избам. Кто мог знать тогда, что на невысоком холме у ветряной мельницы, где в весенние хмельные дни слышались шепот влюбленных и вздохи тоскующей гармонии, будет пролита кровь: фашистские пули оборвут жизнь многих жителей села.

И только два человека в деревне почувствовали уже по-настоящему боль войны. Это были Нина и Валерий Ивановы — племянница и племянник местной учительницы Евдокии Ивановны Ивановой, присланные родителями в Ботаног из пограничного города Выборга... На всю жизнь запомнила Нина странный танцевальный вечер в городском саду в субботу 21 июня 1941 года. Было так весело и интересно крутиться в вихре вальса с молодыми армейскими командирами и курсантами пограничного училища! И вдруг один за другим партнеры стали исчезать. Вскоре в зале

остались одни девушки. Домой Нина возвращалась с тревогой в сердце. Через несколько часов в небе над границей уже шел воздушный бой. Затем все смешалось в кучу: бомбежки, поспешное бегство из родного дома, вереницы беженцев. И вот наконец тишина далекой псковской деревушки, заботливая тетя, ее соседи, знакомые с детства, участливо расспрашивающие: как же там отец и мать остались, ведь пропадут ни за что.

Фашисты появились в Ботаногe в августе 1941 года. Влетели на мотоциклах со свистом, гамом. Согнали всех до единого жителей на сходку и приказали немедленно сообщить, кто в деревне коммунисты и комсомольцы. Никто не назвал ни одного имени, даже дети, опрошенные отдельно, сказали дружно:

— Нет у нас таких дяденек!

С того часа так и повелось: в Ботаногe все за одного, одни за всех. Ботаног — деревня непокоренная.

Прихватив съестного, гитлеровцы умчались дальше, гикая и стреляя. Когда расходились со сходки, Нина спросила у тетки:

— Тетя, почему они так любят шум?

— Шум пробуждает в невежде представление о силе, — ответила Евдокия Ивановна, — а фашисты нас вроде за дикарей считают. Вот и стремятся свою силу продемонстрировать.

— Что же делать, тетя?

Ответа не последовало.

«Что делать?» Этот вопрос семнадцатилетняя девушка задавала теперь каждый день сама себе. Убежит под вечер к мельнице, сядет на пригорке, обхватит колени руками, смотрит, как курчавятся облака в небе, а в голове одна мысль, одна дума: «Что предпринять против врага? Что делать?»

С осени деревню все чаще и чаще навещали парни — партизаны. Однажды один из них заглянул на исходе дня к Ивановым и, убедившись, что никого, кроме Нины, в комнате нет, без обиняков сказал:

— А у нас к вам просьба, товарищ Иванова. Нужно побывать в Дно на улице Урицкого в доме сапожника Финогенова и передать его дочери Анастасии Александровне привет от сына.

— И только-то? — обиженно спросила Нина.

Улыбнулся незнакомец:

— Да. Только. Скажите: «Я Нина, привет от Юры». Это пароль. А

дальше что делать, Юрина мать научит.

Так Нина Дмитриевна Иванова стала связной подпольного райкома. Так еще одна тонкая, но крепкая ниточка связала подпольщиков Дно с защитниками города Ленина.

Накануне того памятного для девушки дня ночью в ее комнату ввалился брат, где-то пропадавший целые сутки со своими одногодками — пятнадцатилетними подростками. Был Валерий оборван, весь в грязи, но глаза светились.

— Знаешь, Нина, — прошептал он заговорщически, — мы с партизанами такое натворили! Ух! И громыхнуло, когда гансы поехали по большаку, где мы мины подложили. Только смотри, не говори тете: рассердится.

Славные ребята! Не опасности, не смерти страшились, другого боялись: попадет от родных за испорченную одежду.

Узнав о возвращении племянника, Евдокия Ивановна не только не рассердилась, но и похвалила Валерия. Однако не обошлось и без замечаний:

— Все правильно, дружок, одно нехорошо: про осторожность забыли. Грязных да оборванных вас вчера не только наши деревенские видели. А глаза нынче не у всех людей добрые.

Евдокия Ивановна давно уже ждала момента, чтобы поговорить с Ниной и Валерием об их участии в борьбе против оккупантов. Сама она уже встречалась с представителем подпольного райкома. После этого договорились с некоторыми односельчанами о практических делах. Под ее наблюдением молодые патриоты сделали под школой тайник с искусно замаскированным входом. В нем хранились листовки, советские газеты, позже — оружие. Когда в Ботаног приезжали гитлеровцы или полицаи, в тайнике находили убежище связные и разведчики партизанских отрядов. На случай, если фашисты надолго оставались в деревне, имелся потайной «почтовый ящик» — дупло старого дуба на берегу реки Белки.

Вскоре вокруг Евдокии Ивановны сгруппировалось боевое ядро подпольщиков. В него кроме Нины и Валерия (зимой юноша ушел в партизанский отряд) входили Елизавета и Герман Федоровы (отец их, Филипп Федорович, со второй дочерью, Екатериной, тоже ушли к партизанам), Мария Архипова. (Последняя была расстреляна в 1942 году карателями.) Активно помогали им Спиридонова Пелагея и ее дочь Александра, Архипова Анна, Григорий Лукин, Мария Васильевна

и ее дочь Валя, сын деревенского старосты Василий Кондратьев и другие жители партизанской деревни.

Всю зиму и весну 1942 года подпольщики обеспечивали связь партизанских отрядов с Дно, распространяли по окрестным деревням листовки и советские газеты, сообщали сведения о передвижении немецких частей в сторону Ленинграда. Евдокия Ивановна трижды встречалась в Дно с Анастасией Бисениек. Вместе переправляли они в партизанский лагерь бежавших военнопленных, медикаменты и большую партию теплого белья, собранного дновскими помощниками Бисениек.

Жизнерадостная, деятельная, авторитетная среди населения пожилая учительница все время находилась на подозрении у гестаповских агентов, но прямых улик против нее не было. По доносу полиция из соседней деревни Иванову четыре раза арестовывали, на допросах жестоко оскорбляли, избивали плетками. После одного из допросов, отправляя Евдокию Ивановну из гестапо домой, начальник отделения СД вручил ей письмо на имя старосты, в котором говорилось, что в случае ухода учительницы Ивановой в лес к партизанам деревня Ботаног будет сожжена.

Проникать в Дно с «посылками» из-за линии фронта становилось все труднее и труднее. Полицейские заставы на дорогах тщательно обыскивали подводы и пешеходов, даже в бидоны с молоком опускали специальные черпалки. И все же тетка с племянницей по-прежнему бесстрашно совершали «набеги» на усиленно охраняемый город. Где только не оставляли они в пути весточки из Москвы и Ленинграда: клали листовки в карманы возчиков, прикрепляли к дверным ручкам домов, свернув в трубочку втыкали в искрящийся голубоватый снег по обочине дороги, по которой двигались обозы.

В конце зимы пришла беда. Вместе с Ниной в Дно для установления контакта с подпольщиками, появившимися на железнодорожном узле после гибели группы Капустина, пошел партизан Яковлев, в прошлом железнодорожник. В депо готовился взрыв поворотного круга, и Яковлев должен был передать указания штаба. Перед самым городом связная и партизан разошлись, договорившись встретиться на исходе дня в квартире Финогеновых. Часа через два Нина, побывав на базаре, таща небольшие саночки с мукой, свернула на улицу Урицкого. У поворота неожиданно встретила Анастасию Бисениек. Та, не глядя в ее сторону, быстро

проговорила:

— Уходи немедленно. Яковлев взят.

Размышлять было некогда, и, хотя уже темнело, Нина сразу же покинула город. В дороге ее застала метель. Девушка выбилась из сил, но продолжала упрямо двигаться вперед, туда, где ждали ее верные друзья, которым несла она горькую весть. Она шла сквозь снег и ветер, и вьюга пела ей песню смелых — о мужестве и долге бойцов...

Яковлев допустил оплошность: уходя в Дно, не взял документов на чужое имя. Когда он находился у Финогеновых, туда зашел наряд полевой жандармерии: проводилась частая в те дни проверка документов. Яковлеву пришлось показать свой старый паспорт. Полицай полистал его, посмотрел на разутую ногу парня и, подавая обратно паспорт, сказал:

— Значит, сапоги чинишь, Яковлев?

— Так точно, господин хороший, — бойко ответил партизан.

— Якофлеф твоя имя? — неожиданно переспросил стоявший у двери фельдфебель-немец. — Где-то у меня Якофлеф записан. Надо посмотреть список шлехт машинистов.

Достав книжечку в сафьяновом переплете, гитлеровец стал просматривать какие-то списки. Через минуту, довольный, воскликнул:

— Зер гут! Он!

Щелкнули кандалы, и Яковлева повели к двери. Уходя, гитлеровец и приказал Финогенычу:

— Завтра твои цвай дочка утром являйся гестапо. Иначе — расстрел.

— Чего-чего, а это вы можете. За ножку да об сошку.

Полицай сделал вид, что не понял пословицы, но громко прикрикнул:

— Помалкивай, старик, пока жив.

Не удержался Финогеныч, ответил:

— Мне-то что. Вам о жизни думать надо. Ныне полковник — завтра покойник.

Полицай зло сплюнул и хлопнул дверью.

Вечером сестры держали совет: что делать?

— Может быть, стоит все-таки уйти из города? — предлагала Евгения.

Настя возражала:

— А родители? А непредупрежденные товарищи? Ты о них подумала?

Заканчивая разговор, твердо сказала:

— Подождем до утра. Я успела кое-кого в разведку послать. Спи. Утро вечера мудренее.

С рассветом вышли из дому. На углу соседней улицы стоял паренек. Когда женщины поравнялись с ним, услышали громкий шепот:

— Анастасия Александровна, все в порядке.

— Ну, теперь пойдем в гестапо, — улыбнулась Настя, — я буду гнуть линию обиженной, а ты немогузнайкой притворяйся.

Допрашивали сестер порознь — в разных кабинетах, разные следователи. Спрашивали об одном: зачем пришел Яковлев в Дно? Отвечали одинаково: бог его знает, он у отца сапоги ремонтировал, к нему ведь многие — и русские, и немцы — ходят, всем чинит обувь старик. Евгению через два часа отпустили, приказав:

— Чтобы в Дно твоей ноги больше не было!

Когда проходила по коридору, слышала, как сестра сквозь слезы говорила гестаповцу:

— За что вы меня терзаете? Ведь я от Советской власти пострадала...

Вернулась Настя во второй половине дня. Рассказала: гестаповцы делали ей две очные ставки с Яковлевым. Избитый до полусмерти, партизан говорить не мог и на все вопросы следователя лишь отрицательно мотал головой. На один миг взглянул он на Настю. Во взоре блеснуло что-то яркое, гордое. Но и этого мига подпольщице было достаточно, чтобы понять: примет человек любые муки, но не выдаст товарищей.

После расстрела Яковлева комендант Дно опубликовал распоряжение, в котором говорилось:

«Въезд в гор. Дно для граждан, имеющих удостоверения, разрешается только по главным дорогам. Тот, кто приблизится к городу по закоульным путям, рискует быть обстрелянным сторожевыми постами.

Беженцам въезд в гор. Дно воспрещен».

На некоторое время Бисениек стала особенно осторожной. Нужно было обмануть бдительность гестаповцев, установивших за ней

наблюдение и подсылавших на квартиру Финогеновых соглядатаев и провокаторов. К счастью, действовали они весьма неуклюже и примитивно. Один из них, оставшись однажды наедине с Александром Павловичем, трагическим шепотом произнес:

— Отец, я партизан. Помоги мне связаться с друзьями Яковлева.

В ответ — ни слова. Провокатор опять свое твердит:

— Я партизан.

— Бывает, что и вошь кашляет, и курица петухом поет, — съехидничал Финогеныч, затем, помолчав, сердито крикнул в соседнюю комнату:

— Настя, выдь-ка на улицу, позови полицаев. К нам партизан заявился.

Провокатора точно корова языком слизнула. Кубарем вылетел из дома.

Томиться в бездействии — нелегкое испытание, особенно для такой деятельной натуры, какой была Бисениек. А тут подоспело новое горе. С большим опозданием пришло сообщение о гибели в бою Василия Ивановича Зиновьева. Отряд «Дружный» участвовал в крупном налете объединенных партизанских сил на фашистские части, расквартированные в городе Холм.

Эта операция проводилась в середине января 1942 года.

Партизаны ворвались в город. Под сильным огнем отряд Зиновьева выбил гитлеровцев из здания комендатуры и приблизился к тюрьме. Услышав шум боя поблизости, узники запели «Интернационал». Дновцы бросились в атаку. В этот момент пуля и сразила Зиновьева.

Тяжело скорбела Настя по мужественному коммунисту, подавшему ей в трудное время руку помощи. И о сыне старшем думы одолевали, хотя вместе с сообщением о гибели Зиновьева передали ей из соседнего района, где зимовали партизаны, что жив, здоров Юрка, за боевое отличие награжден медалью «За отвагу» и представлен к ордену. Но что поделаешь с материнским сердцем?

В контакте с городскими подпольщиками смело работали летом и осенью 1942 года небольшие антифашистские группы на железнодорожной станции Морино, в деревнях Лукомо, Юрково, Скугры. Под их воздействием население срывало распоряжения оккупационных властей о поставках продовольствия, земельную «реформу» и другие мероприятия, проводимые гитлеровцами. О том, что это было так, нередко выбалтывала фашистская газетенка,

издаваемая на русском языке. 4 июля 1942 года в статье «О старостах деревни» она писала: «Весной было предложено организовать общественные огороды для нужд германской армии. Далеко не все старосты выполнили это распоряжение, а те, которые и произвели посев, не следят за состоянием огородов. В результате огороды покрылись бурьяном, урожая не жди».

Признание ценное, лучше не скажешь.

По-прежнему энергично и очень осторожно действовал Иван Васильевич Филюхин. Ему удавалось частенько проникать на железнодорожные пути, когда в Дно скапливались эшелоны, идущие к линии фронта. Нет-нет да и встретит знакомого машиниста, а то и своего ученика. Много не поговоришь, когда кругом охрана и шпики снуют, но все же получить необходимую информацию было можно. С риском для жизни передавал старый мастер верным людям газету «Дновец» от 10 июня 1942 года. В ней был помещен короткий рассказ о борьбе и гибели машинистов — коммунистов Капустина, Скриповского, Давыдова. Под статьей стояла подпись «Матвей Т.» В городе знали: статью писал секретарь райкома Матвей Иванович Тимохин.

...Уходил эшелон в сторону Ленинграда. Мелькали километровые столбы. Вдоль полотна железной дороги виднелись замаскированные зелеными сетями позиции зенитных батарей. Точно живые, смотрели из-под сетей в небо темные зрачки пушек. Выглядывал в окно машинист и беззвучно шептал: «Это все против наших». Голову сверлила мысль: «А что же я делаю? Тоже смерть везу для своих». И жгло, нетерпимо жгло письмо Матвея Т., спрятанное в потайном кармане у сердца... А вокруг вечерело. Лучи заходящего солнца уже с трудом пробивались к мшистым стволам деревьев, надвинувшихся, точно туннель, на ветку железной дороги.

...Не выдержало русское сердце. Схватив ломик, машинист обрушил его на голову стоящего рядом гитлеровца. Затем замедлил ход и, прыгнув в густую траву, исчез в лесных дебрях... Было это на участке Дно — Оредеж осенью 1942 года.

Для ускорения прохода эшелонов немцы задумали перешить путь Дно — Дедовичи. Для работ насильно мобилизовали железнодорожников, крестьян окрестных деревень. По договоренности с Анастасией Бисениек Филюхин отправился туда в один из воскресных дней. С собой прихватил десяток газет с

обращением подпольного райкома партии к работникам транспорта. Появился Иван Васильевич на стройке во время обеденного перерыва. Стояла жаркая погода. Истомленная бездождем земля была раскалена. Люди в поисках прохлады разместились в кустарнике. Филюхин быстро нашел своего человека — стрелочника с соседнего полустанка. Около Степана сидело несколько деревенских парней. Иван Васильевич подошел к ним незаметно, прислушался. Чернявый рабочий жевал ломоть хлеба и говорил зло:

Иван Васильевич Филюхин

— Работать заставляют от темна до темна, а даже питья привезти не могут.

— И не пикнешь, — вступил в разговор крестьянин, — да что поделаешь, когда кругом такой разор?

Неожиданно за его спиной раздалось:

— Разор, говоришь? Это верно.

Увидев незнакомого человека, сидевшие на траве поднялись, хотели уйти. Степан остановил их:

— Подождите. Не бойтесь, это наш товарищ. А вы, Иван Васильевич, продолжайте, а то они меня замучили, все время спрашивают: как жить, как поступать?

— Я докладчик никудышный, да и времени в обрез. Берите-ка, ребята, по газетке. Тут написано, как поступать.

И Филюхин зачитал:

«Товарищи путейцы, разрушайте железнодорожные пути. Движенцы, делайте заторы в движении, организуйте столкновение поездов и крушение их. Паровозники, уродуйте паровозы при ремонте...»

— Вот это правильно! — воскликнул рабочий.

Филюхин усмехнулся:

— Да вот только вы неправильно поступаете. Вас заставили дорогу строить, значит, вы путейцы теперь. Значит, это к вам

относятся слова «разрушайте железнодорожные пути».

Увлеченные разговором, Иван Васильевич и Степан поздно заметили приближающегося полица-надсмотрщика.

— Чего развалились? — набросился на рабочих фашистский прихвостень. — Здесь вам не гулянка. Работать надо.

Пьяно икнув, полица грозно уставился на Филюхина:

— А ты кто такой? Почему здесь?

Отступать было поздно, и Иван Васильевич сам перешел в наступление:

— Прошу не тыкать. Я мастер депо и разыскиваю здесь сына. Вот мой документ.

— Прошу прощения, господин мастер, — насупившись, ответил полица.

И все же о посещении Филюхиным участка строительных работ стало известно Мюллеру и его другу из гестапо. Донес полица.

Через сутки после приезда Филюхина ночью из рабочего барака исчезло десять человек. Их увел к партизанам чернявый парень. Уходя, он прикрепил к наружной стенке барака газету с призывом к железнодорожникам, подчеркнув красным карандашом фразу «Товарищи путейцы, разрушайте железнодорожные пути!»

Мюллер как бы невзначай спросил Филюхина, был ли он на строительстве. Иван Васильевич невозмутимо ответил:

— Был, господин Мюллер. И даже пришлось пьяного полица отчитать. Прямо скажу: плохо несут они службу, больше о водке, да о бабах помышляют. Если бы полиция добросовестно выполняла свои обязанности, разве кто посмел бы всякие вредные разговоры вести? А я их краем уха слышал...

Мюллер несколько удивился красноречию обычно молчаливого мастера, но в душе не мог не признать правоту филюхинских слов. Что можно было ожидать от полицаев, когда совсем недавно в крупном мошенничестве был уличен сам Ризо?

Доносчику попало. Но и в отношении к Ивану Васильевичу немцы стали проявлять больше подозрительности. Однако уличить его в каком-либо проступке, не говоря уже о преступлении против оккупационных властей, было весьма трудно. Помощников подбирал он себе надежных, главным образом не в городе, памятуя строгий наказ Тимохина: «Никто в Дно, кроме Анастасии Бисениек, не должен знать, что ты связан с нами».

Иван Васильевич не предполагал, что придется жить с кем-либо из родных. Семья была эвакуирована, семнадцатилетний сын Юрий находился в истребительном батальоне. Прощаясь с ним, Филюхин сказал, что тоже покинет город, отправится в партизанский отряд. 18 июля Юра случайно попал в Дно. Проходя в последний раз мимо родного дома, юноша неожиданно услышал за закрытыми ставнями кашель. Удивился. Решил зайти посмотреть, кто хозяйничает у них в комнатах. Открыл дверь и столкнулся с... отцом.

— Не взяли меня в партизаны, — смущенно проговорил Иван Васильевич, — староват говорят. А эвакуироваться уже поздно.

— В таком разе остаюсь и я, — заявил Юра, догадавшись, что отец задержался неспроста.

Проникнуть в тайну отца Юрию помог случай. Рядом с домом Филюхина находилась школа, где фашисты разместили военный госпиталь. Однажды оттуда из хозяйственного подразделения пришел фельдфебель. Надувшись, как индюк, важно произнес:

— Ваш сарай нужен немецкому командованию. Там будет стоять машина.

Подавая ключи гитлеровцу, Иван Васильевич сказал Юрию:

— Пойдем поможем господину офицеру, — и уже в дверях шепнул: — В углу в ящике листовки, ты их незаметно вынеси.

С тех пор время от времени отец давал сыну поручения, особенно когда Юрий устроился на работу в депо слесарем. В 1943 году молодой Филюхин перебрался в лес — стал партизаном.

Фашисты, учитывая стратегическую важность города, наряду с усилением репрессий в Дно пытались укрепить свое положение среди населения различными средствами идеологического воздействия. В этих целях они широко использовали церковников. Была поднята возня вокруг открытия в Порховском районе Никандровой пустоши, якобы оскверненной большевиками, сделана попытка превратить первый день оккупации Дно в праздник «освобождения от ига коммунистов».

19 июля 1942 года в городе раздался перезвон колоколов. Из церкви вышло более десятка священников, привезенных из разных мест. Кучка отщепенцев, предводительствуемая Скрыгиным, вынесла хоругви. Богомольные старушки несли иконы. Возглавлял крестный ход архиерей из Пскова. Предполагалось, что по мере продвижения к центру города шествие обрстет толпой народа. Но этого не

случилось. Пришлось принимать срочные меры: полицаи на рысях бросились вперед и начали выгонять жителей из домов на улицу.

На центральную площадь прибыл командир воинской части, недавно расквартированной в городе. Ему преподнесли хлеб-соль. Сожительница городского головы должна была прочесть приветственный адрес. Городской голова подал ей папку. Поверх текста адреса лежал тетрадный лист бумаги. Печатными красными буквами на нем были выведены слова:

Скоро, скоро мы прогоним
Шантрапу немецкую.
Скоро, скоро мы увидим
Формочку советскую.

Не разобравшись, в чем дело, женщина высоким грудным голосом начала читать:

— Господин полковник, скоро, скоро мы прогоним...

Рука городского головы метнулась к папке и выхватила злополучную бумажку. Говорившая стушевалась и начала снова:

— Господин полковник, господин полковник...

Когда она повторила эти слова в третий раз, в толпе кто-то хихикнул. Немец поморщился, взял из дрожащих рук женщины папку и, ощерив зубы, равнодушно процедил:

— Зер гут.

И, уже обращаясь к собравшимся, сказал властно и громко:

— Не пройдет и года, как власть большевиков окончательно рухнет. Наш мудрый фюрер обещает: красный Москау будет взят, дни Петербурга сочтены...

— Держи карман шире! — раздалось где-то в толпе.

Воцарилась гробовая тишина. Полковник нахмурился. Чтобы спасти положение, городской голова рявкнул:

— Хайль, Гитлер!

Выдрессированные полицаи и немецкие солдаты вразнойой закричали:

— Хайль! Хайль!

— Ну, кажется, пронесло! — с облегчением произнес стоявший у трибуны местный священник. От волнения он вспотел. Откинув полурысы, полез в карман за платком, по вместо него неожиданно вытащил тетрадный лист бумаги. Машинально развернул и увидел

написанные красными чернилами слова:

Скоро, скоро мы прогоним
Шантрапу немецкую...

— Тьфу! Бесовское наваждение!

— Батюшка, а ругается, точно немчура какая. Времена настали, прости господи...

Старушка, сказавшая эти слова, неодобрительно осмотрела попка с взлохмаченной головой, перекрестилась и молча побрела прочь.

«Единение с населением» не состоялось. После митинга на площади городской голова имел неприятный разговор в гестапо. Вечером того же дня с местным священником он напился до положения риз. В пьяном виде они выболтали, из-за чего произошел конфуз. Стишки о немецкой шантрапе быстро облетели город. Повстречав как-то на станции Анастасию Бисениек, Филюхин поинтересовался:

— Листки-то с шантрапой немецкой — твоего Кости работа?

— Нет, Иван Васильевич, но похоже, что его сверстников, которых мы еще не знаем. Ну, что ж, значит, не одни мы действуем. Как сказал бы сейчас мой батя: «Не один Гаврила в Полоцке».

Дновские подпольщики использовали малейшую возможность для нанесения ущерба оккупантам, для разоблачения лживой пропаганды гитлеровцев. Задумали местные власти провести сбор шерсти для немецкой армии. К этому делу немедленно подключились Анастасия Бисениек и ее помощницы. Сбор прошел «организованно»: добрая половина собранной шерсти очутилась в партизанской бригаде.

Каждый подпольщик вносил свой вклад в общее дело. Любовь Богачева хитроумно занижала разверстку на поставки для партизанских деревень. Евгения Финогорова с Капитолиной Семешенковой доставали для «лесных медиков» спирт, бинты, йод и другие лекарства. Нина Карабанова и Анна Белова держали постоянную связь с военнопленными.

Евгения Финогорова осенью 1942 года начала работать в Лукомской школе. Отказаться от предложения немцев или уйти в партизаны было нельзя. После провала Яковлева дновские гестаповцы держали Евгению под подозрением, и всякий ее

неверный шаг мог погубить Анастасию Александровну. Учить детей, конечно, приходилось по немецким учебникам, но подпольщица делала все возможное, чтобы фашистская пропаганда как можно меньше проникала в душу учащихся. Однажды по доносу священника Василия, приехавшего в Лукомо из Риги, на урок к Финогеновой прибыл проверяющий — сухопарый гитлеровец со стеклом в руке. Представился как немецкий учитель. В конце урока он обратился к ученикам с речью. Говорил о силе и мощи немецкой армии, о божественных задатках фюрера. Закончил выступление обещанием:

— Мы вырастим вас хорошими крестьянами, научим работать всех для пользы великой Германии.

Когда фашист уехал, Евгения спросила:

— Вы, дети, только что слышали, кем вы должны быть, а вот интересно: кем стали два-три года назад ваши старшие сестры и братья? Вот, например, твой брат, Костик?

— Инженером, Евгения Александровна.

— А у тебя, Надя?

— Моя сестра — доктором.

Ребята оживились. С парт посыпалось:

— Моя сестра — бригадир на фабрике!

— Мой брат — летчик!

— А мой — геолог!

— Ну, а как вы думаете, дети, — задала второй вопрос учительница, — хорошо это или плохо, когда можно выбирать себе самые различные профессии?

— Хорошо! — хором ответили ребята.

— Ну, вот и прекрасно. Значит, вы все поняли. Молодцы! Идите теперь на перемену.

Поступая так, Финогенова рисковала, но оставить без комментариев речь гитлеровца не могла. Это было бы преступлением против совести и чести.

Осенью 1942 года фашистам удалось ликвидировать Партизанский край. Отряд «Дружный» ушел в советский тыл. Каратели сожгли Ботаног. В этих осложнившихся условиях информация, которую доставляли советскому командованию дновские подпольщики, представляла особую ценность. Смело и результативно действовали Зина Егорова, нашедшая себе помощников на аэродроме, и группа агронома Василия Лубкова в

Скуграх.

Василий Васильевич Лубков до войны работал участковым агрономом в Дновском районе, а затем на семеочистительной станции города Дно. До последних дней обороны занимался эвакуацией оборудования. Семью эвакуировать не успел, перевез жену с двумя малолетними детьми в деревню Борисиха, где жила Руфина Васильевна Тальянцева, сестра жены. В конце июля и туда докатились бои. Фашисты уничтожили Борисиху, и Лубковы, оставшись без крова, перебрались на ферму бывшего совхоза «Гари». Здесь зимой 1941/42 года комсомолец Лубков и установил контакт с партизанами Николаем Антоновым и Юрой Бисениек. Последний сообщил о Лубкове матери, и Анастасия Александровна не замедлила привлечь его к подпольной борьбе.

Высокий, с копной вьющихся, белых, как лен, волос, молодой агроном располагал к себе с первого взгляда. Веселый и жизнерадостный, он имел много друзей. К нему тянулись, как на огонек. В зимние вечера, когда за окном завывала вьюга и тоскливо сжималось сердце от неизвестности, было так приятно прийти в уютную комнату Лубковых, посидеть час-другой за чашкой чая, поговорить по душам. Напористо, страстно говорил Василий своему собеседнику:

— Нельзя быть пассивным сейчас, нельзя! Ведь фашистам как раз и выгодно такое непротивление злу.

Взволнованный подходил Лубков к кровати, где безмятежно спали, раскинув ручонки, сыновья. Долго смотрел на них, а затем продолжал:

— Дети наши не простят нам, если мы уподобимся людям, похожим на траву. Растет себе, и только. Действовать нужно, мой дорогой. Действовать!

Проходил день-другой, и вчерашний собеседник просил Лубкова:

— Так ты там, Василий Васильевич, коли чего надо, имей меня в виду, — и, улыбаясь, добавлял: — Не хочу быть травой.

Если у Лубковых собирались проверенные товарищи, тогда по вечерам читались советские газеты. А когда хозяин брал в руки гитару, звучала забористая частушка:

Геббельс в музыку играет,
Гитлер пляшет трепака.
Не бывать вам в Ленинграде,

Два фашистских дурака.

Лубкову отвечала грубоватым голосом Дусхальда Эрман:

Партизана я любила,
Партизана тешила.
Партизану на плечо
Сама винтовку вешала.

Эти задорные слова были сама правда. Ветеринарный фельдшер Дусхальда Густовна Эрман, ее подруга Ольга Белова, жена Василия — Саша Лубкова, Руфина Тальянцева, Иван Захаров и другие патриоты беззаветно помогали партизанам: пересылали им продовольствие, медикаменты, одежду, прятали разведчиков.

В сентябре 1942 года сельскохозяйственное управление перевело Лубкова в госхозяйство при доме отдыха «Скугры». Это обстоятельство обрадовало Бисениек. И тому были свои причины. В хозяйстве работали военнопленные, и с ними нужно было наладить связь. А главное, в Скуграх в то время стояла «Пропаганда компани» — специальное агитационное подразделение гитлеровцев. Здесь находилось несколько десятков машин с репродукторами для работы во фронтовых условиях, склады листовок, жили агитаторы — кучка гитлеровцев и предателей.

Распоряжался в Скуграх немец Иоганн Хенкель. Он поместил понравившегося ему агронома в старом двухэтажном доме в парке. Лубковы получили маленькую комнату на втором этаже. Рядом с ними жили девушки — работницы маслозавода, расположенного в нижней половине дома. Там же находилась и комната немца-радиста.

Однажды поздно вечером Лубков возвращался пешком из Дно. На узкой лесенке, ведущей на второй этаж, столкнулся со спускавшимся вниз радистом. От немца несло спиртным перегаром, и он отчаянно кашлял. Василий вежливо спросил:

— Что с вами, господни фельдфебель? Простудились, наверно?

— Я здоров, — заплетающимся языком ответил немец, — только трещит бошка. Нужно, как это русский мужик делает, охмелиться. Ходил твой фрау искал уводака. Ты латынь понимайт?

— Никак нет.

— Это означайт, — гитлеровец поднял палец вверх, — вода жизни, по-вашему уводака.

Василий радостно выпалил:

— Нет у фрау, есть у хозяина. Сейчас принесу, господин фельдфебель.

— Битте, молодой челофек. Только все тихо. Обер-лейтенант и твой Хенкель ни гу-гу.

— И вы, господин фельдфебель, — попросил Василий, — моей фрау ни гу-гу. Ругается за водку.

С тех пор Лубков стал частым посетителем немца. Приходил всегда с бутылкой водки. Радист был из тех немцев, кто храбрился на людях, но в душе был трусом. Крепко выпив, фельдфебель становился особенно «храбрым» — шумел, грозился. Затем быстро затихал, включал приемник и, бессмысленно уставившись водянистыми, полупрозрачными глазами в одну точку, слушал музыку и под конец засыпал. У приемника оставался Лубков...

Так под самым носом фашистских пропагандистов дновские подпольщики получили возможность слушать Москву.

ОНИ УМИРАЛИ СТОЯ

...Нет, врешь, палач, не встану
на колени!
Хоть брось в застенок, хоть продай
в рабы!
Умру я стоя, не прося
пощады,
Хоть голову мне топором
руби!

Муса Джалиль

В партийном архиве Ленинграда, в Смольном, хранится радиограмма, переданная в адрес командира 3-й партизанской бригады А. В. Германа в конце декабря 1942 года. Начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин требовал: «Всеми силами разведки проверьте передвижение войск противника... Организуйте наблюдение за железными и шоссейными дорогами Псков — Остров, Порхов — Дно». Аналогичные приказы

получали в декабре и первые дни нового года все активно действовавшие соединения и отряды ленинградских партизан. В это же время в тылы 16-й и 18-й немецких армий были заброшены новые партизанские формирования.

Было ясно, что Ленинградский штаб неспроста нацеливает на усиление ударов по коммуникациям противника и сбор всесторонних разведывательных данных о противнике. Хотя стояла суровая зима и до весеннего половодья было еще далеко, люди верили в приближение грозы. И она разразилась: грянул гром над Невой, долгожданный, могучий.

Ранним утром 12 января 1943 года в частях ударной группировки войск Ленинградского фронта, на кораблях и железнодорожных батареях Краснознаменного Балтийского флота читался приказ. Он звал: «Смело идите в бой, товарищи! Помните: вам вверена жизнь и свобода Ленинграда. Пусть победа над врагом овеет неувядаемой славой ваши боевые знамена! Пусть воссоединится со всей страной освобожденный от вражеской блокады Ленинград!»

Семь дней и семь ночей бушевал огневой шквал на переднем крае и в глубине обороны противника. Семь суток шло жестокое сражение, закончившееся победой советских войск. 18 января в 11 часов 35 минут в рабочем поселке № 5 бойцы героической 136-й Ленинградской дивизии по-братски обнимали автоматчиков батальона капитана Демидова — воинов Волховского фронта.

Помощь партизан советским войскам при прорыве блокады Ленинграда была весьма внушительной. Благодаря их отважным действиям немалая часть солдат и боевой техники из резерва группы фашистских армий «Север» не попала совсем или добралась с довольно большим опозданием к берегам Ладоги. Только за декабрь 1942 года и первую половину января 1943 года ленинградские партизаны осуществили 46 крушений воинских эшелонов!

В дни январской битвы военный комендант Дно получил в штабе 16-й армии приказание еще сильнее завинтить гайки оккупационного режима. Один из заместителей командующего сказал ему:

— В вашем городе, майор, должно быть сейчас так же тихо, как на кладбище.

Комендант лез из кожи, чтобы выполнить этот приказ. Гестапо, полиция и другие органы фашистской власти делали все возможное

для пресечения разведывательной работы подпольщиков на железной дороге и в районе военных объектов города. И все же разведчики подпольного центра действовали. Анастасия Александровна Бисениек передала в штаб советских войск новые данные, собранные Зиной Егоровой на аэродроме. Какой ценой и с помощью кого добыла их Егорова — осталось тайной: отважная девушка вскоре была схвачена гестаповцами и расстреляна.

Внес свою лепту в дело обеспечения прорыва блокады Ленинграда и самый молодой дновский подпольщик Костя Бисениек. Настя, которая когда-то ужаснулась, узнав, что ее Костик хочет принять участие в распространении листовок, сама теперь послала сына на опасное дело. Нужно было узнать точное месторасположение зенитных батарей, охранявших железнодорожную магистраль в зоне 5—8 километров от станции. Взрослому туда проникнуть было невозможно.

Став на лыжи, Костя отправился в путь. Шел быстро, чтобы согреться. Навстречу дул пронизывающий ветер. Он заметил след и стлал впереди крупчатую поземку. Пробираясь чахлым кустарником, юный разведчик услышал гудение мотора. Самолет летел низко и так точно держался железнодорожной насыпи, что казался привязанным к рельсам незримыми тросами.

Сердце у Кости учащенно забилося. Он впервые за всю войну так близко видел советский бомбардировщик. Хотелось кричать: «Наш! Наш!» Но, помня наказ матери, он спрятался в кусты и, дрожа от холода, стал наблюдать.

Когда самолет приблизился к мосту, из березовой рощи, высвеченной неярким солнцем, в небо поспешно взметнулись огненные трассы. Вслед за пулеметами ударили пушки. Костя насчитал шесть орудий.

Но фашистские зенитчики опоздали: из-под брюха самолета уже вывалились небольшие черные сигарообразные бомбы. Одна из них угодила в перила моста, другая разорвалась рядом с фермой. По набиравшему высоту бомбардировщику открыла огонь батарея, притаившаяся между строениями, в ложбинке. «Ага! Еще одна», — вслух проговорил разведчик и решил подобраться поближе к позиции артиллеристов. Он быстро скатился с холма, но один из гитлеровцев, бежавших к горящему мосту, заметил лыжника и дал по нему автоматную очередь... Вечером, отвечая на взволнованные

вопросы матери (Анастасия Александровна слышала взрывы бомб у моста), Костя умолчал о том, что был на волоске от смерти, а лыжу, расщепленную пулей, незаметно для родных скрепил тонкой проволокой.

Через два дня, метельной ночью, в березовой роще раздалось шесть взрывов. Советские десантники подорвали орудия, засеченные юным разведчиком.

Вскоре после этого события в Дно пришла весть о победе на невских берегах. Подпольщики быстро разнесли по надежным людям газету «Дновец» за 20 января 1943 года. В ней под рубрикой «В последний час» сообщалось: «Прорвана блокада Ленинграда!» Город Ленина снова получил прямую железнодорожную связь с Большой землей. Патриоты ликовали.

Внешне в городе Дно ничего не изменилось. Так же, как и раньше, по утрам по улицам двигались группы военнопленных, направляемых на расчистку железнодорожных путей. По ночам по-прежнему из-за углов звучало лающее «Хальт!», раздавались автоматные очереди и доносились стоны несчастных жертв безжалостных патрулей. И все же грозы, прогремевшие на Волге и в начале 1943 года над Невой, для оккупированного Дно не прошли бесследно. Непокоренные советские люди стали действовать смелее, увереннее. А те, кто раньше думал как-то приспособиться к фашистским порядкам, пересматривали свои позиции и изыскивали способы связаться с партизанами и подпольщиками.

Этим обстоятельством не преминули воспользоваться агенты абвера (разведка немецкой армии) и гестапо. В результате несколько явок было провалено. Настя пришла на одну из них, и хотя, почувствовав беду, действовала осмотрительно, под слезку все же попала. Гестаповцы нагрянули с обыском. Дома у Финогеновых перерыли все вверх дном, но улики не нашли. Однако Настю арестовали.

Вначале Бисениек числилась за гестапо. Допрашивали ее по нескольку раз в день, били. Менялись следователи, менялись и версии обвинения. Вскоре Настя убедилась, что в руках гестаповцев есть нити от некоторых подпольных групп, имеются доносы, но доказательств ее вины почти нет. Держалась она твердо, уверяла следователей, что ничего не предпринимала против оккупационного порядка, а в деревни ходила менять вещи и изделия отца на

продукты.

Дновским подпольем интересовались и представители абвера. По требованию приехавшего из штаба армии полковника Бисениек стали допрашивать сотрудники абвера.

В начале второй мировой войны Гитлер считал абвер своей опорой номер один. Шеф абвера адмирал Канарис (злой и коварный враг Советского государства) пользовался неограниченным доверием фюрера и среди главарей нацистов вел себя независимо и даже вызывающе. К 1943 году в связи с неудачами на советско-германском фронте престиж Канариса в нацистских верхах оказался изрядно подпорченным. Приложила к этому руку и служба безопасности (СД), которая в глазах Гитлера приобретала все больший и больший вес. Между абвером и СД все время шла скрытая борьба, хотя Гиммлер и Канарис в ряде документов декларировали взаимопомощь этих ведомств друг другу.

Нередко были случаи, когда гестапо, передавая подследственного армейским контрразведчикам, не снабжало их всеми имеющимися материалами обвинения. Так случилось и с «делом шпионки Бисениек». В дновском отделении СД решили: «Пусть повозятся. Орешек крепкий...»

Контрразведчик, который повел «дело», попался не из сильных. Действовал он по шаблону: предлагал Насте «переменить хозяина», сулил деньги за выдачу партизанских явок. Почти каждый допрос этот коренастый пожилой немец, с нездоровым румянцем на лице и щелочками вместо глаз заканчивал патетической тирадой:

— Люди абвера не фанатики. Мы ценим жизнь. Станьте нашим другом — и через полгода уезжайте в Мюнхен, Берлин, куда угодно. Наслаждайтесь райской жизнью!

Бисениек быстро раскусила своего «соблазнителя» и прикинулась провинциальной простушкой. На допросах внимательно слушала рассуждения немца, поддакивала, где было можно, явно восхищалась рассказом о «райской жизни в фатерланде», а однажды даже всплакнула. Всклипывая, говорила:

— Я же не такая дура, как вам кажусь, господин следователь. Что я, не понимаю цену деньгам? Вот, городской голова и нашим и вашим служит, а как вы, немцы, его разным добром одариваете. Если бы знала что-нибудь, обязательно поменяла бы на милость вашу.

После этого допросы прекратились. Потянулись томительные

Александра Иванова

однообразные дни заключения.

Тем временем пришла беда и к Василию Лубкову...

К весне 1943 года агроному-патриоту удалось сколотить подпольную группу среди военнопленных, работавших в хозяйстве Хенкеля. Это были люди, пережившие отступление первой военной осени, видевшие своими глазами, как безжалостная коса смерти устилала трупами улицы блокированного Ленинграда. Они ненавидели фашизм и охотно откликнулись на предложение

Лубкова. Ближайшими помощниками Василия стали два Петра: Холодов Петр, местный парень, установивший сразу же связь с отцом и сестрой, и Морозов Петр, молоденький командир, ленинградец.

Белокурый, с голубыми глазами, лейтенант Морозов выглядел юнцом. Морозову часто доставалось от надсмотрщика-немца. Его бесило то, что батрак молод, и то, что непокорен он и насмешлив.

Однажды в руки Петра попала гармонь. Прошелся по ладам раз, другой. Заиграл. Забылся. А когда пришел в себя, смотрит — у телеги, на которой он сидел, стоят люди, стоят и ждут чего-то. Тряхнул головой Петр и запел:

У Невы, у старого причала,
Где волна в гранитный берег бьет,
Молодого парня обнимала,
Провожала девушка в поход¹.

Песня была незнакомой, но это была песня о Ленинграде, о горячих сердцах его защитников, о верности долгу. Слова ее звучали призывом не складывать оружие, смело бороться за счастье и свободу. Как зачарованные слушали Петра люди. Неожиданно сзади раздался дикий крик:

— Молчать! Немедленно молчать!

¹ Песня «Над Невой» была написана композитором Виталием Васильевичем Запольским в блокированном Ленинграде в декабре 1941 года. Слова Дм. Цензора.

К собравшимся бежал надсмотрщик. Выбив ногой гармонь из рук Петра, он начал хлестать его нагайкой. Морозов бросился на мучителя, но тот выхватил браунинг. От злобы немец весь зашелся, не сказал — прохрипел:

— Попробуй запой, щенок...

И юноша запел. В наступившей мертвой тишине как клятва прозвучало:

...Я Советской Армии солдат,
Никакая вражеская сила
Никогда не вступит в
Ленинград!

Надсмотрщик опешил, затем прицелился в голову певца. Но в это время на его плечо легла рука Лубкова. Усилием воли сдерживая себя, Василий Лубков как можно спокойнее, но твердо сказал:

— Господину Хенкелю нужны рабочие, а не трупы. Хозяин не похвалит за самоуправство.

Немец выругался, спрятал револьвер и опять взялся за нагайку. Избил Петра до полусмерти.

В тот день у многих русских, живущих в Скуграх, были на устах слова:

Никакая вражеская сила
Никогда не вступит в
Ленинград!

Кто знал из них, что песня, пропетая юношей-командиром под дулом пистолета, спустя шесть лет гимном мужеству ленинградцев зазвучит на сцене театра оперы и балета города-героя? А такое случилось. В 1949 году, когда страна отмечала пятилетие со дня разгрома фашистских войск под Ленинградом, песню «Над Невой» исполнял сводный хор в 600 человек.

Вечером, рассказывая жене про случай с Морозовым, Лубков горячо говорил:

— Знаешь, Сашенька, мне хотелось бы сделать для Родины что-то большое, настоящее!

Жена не ответила. Василий не увидел — почувствовал: плачет. А что могла сказать она, мать троих малышей, не только зная, что отец

их ходит по острию ножа, но и помогая ему во всем?

Лубков подошел к окну, нежно обнял жену и тихонько прошептал: — Хорошая ты моя, друг мой верный.

В мае 1943 года вблизи Скугров появилась небольшая группа советских воинов. Среди десантников был родной брат Петра Холодова. Через него была установлена связь с Лубковым. Василий трижды, забрав все, какие были дома, продукты, исчезал по ночам из имения. Возвращался возбужденный, радостный. Переспит час-другой — и на работу. Еще майское солнце не успеет пустить первые горячие стрелы в деревья парка, а «старательный агроном» уже ведет туда военнопленных. Видя такое усердие, управляющий Хенкель похваливал Лубкова. Хвалили его и военнопленные за... дерзкий план их побега.

Во время последней встречи с командиром десанта было решено в ближайшее воскресенье общими усилиями воинов и подпольщиков уничтожить «Пропаганду компани» и дом отдыха гитлеровцев, сжечь все хозяйственные постройки имения. В лес с десантниками готовились уйти 18 военнопленных.

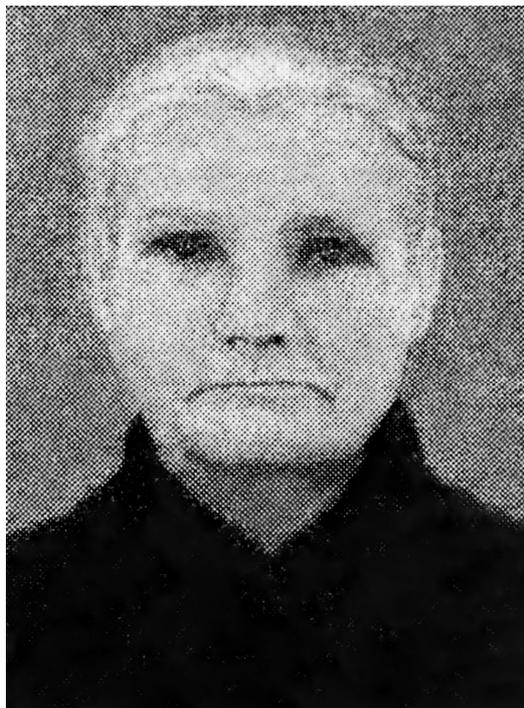
Но тщательно разработанному плану не суждено было осуществиться. Помешал подлый донос. Накануне операции, когда военнопленные собрались вечером на квартире Холодовых, в Скугры нагрянули гестаповцы. Дом Холодовых был оцеплен, все находившиеся в нем арестованы. Последним гитлеровцы взяли Василия Лубкова.

«Дело о готовящемся побеге военнопленных из государственного хозяйства Скугры» велось спешным порядком. Арестованных жестоко пытали. Двое из военнопленных выбросились из окна следственной комнаты и разбились насмерть. Петр Морозов и еще несколько человек были расстреляны. А Лубкова и Холодова продолжали таскать на допросы. Фашистам не удалось захватить ни одного из «таинственных лесных солдат», как именовались в донесении десантники. От Лубкова гестаповцы думали узнать их дальнейший маршрут. И еще была одна цель у следователей: установить связь подпольщиков в Скуграх с подпольем в Дно. В гестапо не отказались от мысли раскрыть «тайну шпионки Бисениек».

Василий на допросах не отрицал своего участия в подготовке к побегу военнопленных, но не подтверждал ни одной улики, могущей

повредить оставшимся на свободе товарищам.

В июле гестапо по указке некоего Анатолия, выдавшего Лубкова (впоследствии над предателем совершился правый партизанский суд), арестовало Дусхальду Эрман и Ольгу Белову. Обеим им была сделана очная ставка с Лубковым. Проживающая ныне в городе Луга Ольга Алексеевна Белова (по мужу Бабич) вспоминает:

Евдокия Ивановна Иванова

«Не успела я перешагнуть порог комнаты следователя, как толстый, весь покрасневший от натуги гитлеровец начал кричать на меня, обзывая нецензурными словами. Потом потребовал, чтобы я признала «бандита-партизана». Я подняла глаза. Справа от меня, в специальной клетке, стоял Василий Васильевич Лубков. С виска у него стекала кровь. С презрением он смотрел на своего мучителя и переводчика. Меня поставили в угол, спиной к Лубкову, и стали задавать вопросы о партизанских связях, явках, паролях. Отвечала, что слышать не слышала и ведать не ведала. И только на вопрос: «Сколько метров от вашего дома до дома Лубковых?» — ответила: «Пятьдесят». Потом меня вытолкали из комнаты вон».

Не выдала никого и Дусхальда Эрман. Отважная эстонка, бывая в качестве ветеринарного врача в деревнях всего района, знала многих подпольщиков, не раз встречалась с Анастасией Александровной Бисениек. При аресте девушка, воспользовавшись беспечностью полицейских, проглотила список выявленных немецких тайных агентов, приготовленный для передачи в Ленинградский штаб партизанского движения.

Взбешенный неудачей очных ставок, следователь долго еще мучил Лубкова. Потушив на груди узника последнюю сигарету, он с насмешкой бросил:

— Завтра, как любит говорить наш Большой Генрих — рейхсфюрер СС Гиммлер, ты, Лубков, будешь горстью праха. Стоишь ты сейчас ноль марка.

— Гросс дурак твой Гиммлер, — неожиданно выпалил истерзанный подпольщик.

— Тод! (Смерть!) — тихо, но злобно сказал гестаповец и на папке с делом Лубкова написал это слово по-немецки.

Через полчаса Василия бросили в кузов грузовой машины и вместе с десятью другими жертвами гестапо отвезли в Заполянский лагерь смерти...

Бывает так, что находиться в неизвестности подчас страшнее самой ужасающей известности. Анастасия Александровна Бисениек в таком положении провела более месяца: ни весточки с воли, ни допроса, когда по поведению следователя можно о чем-то догадаться, ни очной ставки, когда по лицу арестованного товарища можно понять: действуют друзья, борются. В бессильном гневе тянулись руки к тюремной решетке и опускались. И вдруг неожиданное:

— Бисениек, с вещами на выход!

Вначале не поверила. Мелькнула мысль: провокация! Неторопливо стала собирать узелок. Дрожащие пальцы никак не могли завязать его. Подстегнул новый окрик:

— А ну, пошевеливайся! А то начальство передумает.

В словах тюремщика не насмешка, а злость. Значит, правда: ее выпускают.

Июньский день угасал медленно. За городом полыхал пунцово-красный закат. От теплого, хмельного воздуха закружилась голова. Опираясь о стенку, постояла, затем медленно пошла. Ступала так, будто заново училась ходить... Со второго этажа, из окна, задернутого плотной шторой, за Бисениек следили две пары недобрых глаз.

Наконец Настя дома. Горячо обнимает своего меньшого Костеньку, невпопад отвечает на вопросы отца, спрашивает мать: не был ли ненароком Юра?

— Нет, не заявлялся, — говорит Гликерия Степановна.

Давно уже не был юный разведчик в родном городе. Не был и не придет больше. В партизанском лагере произошел несчастный случай. С дерева, под которым отдыхал Бисениек, сорвался автомат. Раздался выстрел. Случайная пуля смертельно ранила Юру.

Партизаны скрыли от Анастасии Александровны гибель сына. Но материнское сердце чувало: неспроста нет весточки от Юры и его друзей.

Настя верно рассудила, что, хотя контрразведчик из абвера и

прекратил «дело», гестаповцы вряд ли оставят ее в покое. Проверку подпольных связей и явок она повела осторожно. На встречи с людьми посылала мать. Фашистским соглядатаям по-прежнему было невдомек, что появление жены Финогеныча на базаре отнюдь не вызывалось увлечением торговлей.

Единственное, на что подпольщица рискнула почти сразу по возвращении из тюрьмы, — это на свидание с Филюхиным. Но Иван Васильевич предупредил визит Насти. Встретив ее накануне на улице, он кивком головы ответил на приветствие и вдруг громко закашлялся. Настя не подошла, не оглянулась. Громкий кашель при встрече был условленным сигналом: не подходи, следят.

Следили, по-видимому, и за ней. Опасность теперь подстерегала на каждом шагу, но связи и явки, особенно деревенские, нужно было проверить, и Настя отправилась за город. Тянуло туда ее и по другой причине — думалось: «Авось, что-либо узнаю о старшем сыне».

Стояла чудная пора, когда цветут льны. Настя с детства любила бродить у голубеющих льняных просторов. Бывало, смотрит на поле, и кажется ей, что кусок неба упал на землю. Не было теперь этой красоты. Все окрест опустело, заброшено, потоптано. Лишь кое-где засеяны поля. Третьи сутки шла она от деревни к деревне и лишь пепелища да землянки встречала на своем пути. И все же нашла нужных людей, переговорила со своими уцелевшими помощниками, собрала сведения, дала задания.

Возвращаясь домой, Бисениек случайно встретила в одной из пригородных деревень знакомую женщину. Та ей сообщила:

— А наших-то вчера всех забрали в гестапо: и Гликерию Степановну, и Финогеныча, и Костю.

Идти в город было нельзя. Но что могла поделать со своим сердцем несчастная мать? Она уже знала: погиб Юрка, грубоватый с виду, но любящий сын, понявший раньше срока нелегкую судьбу матери. И вот теперь Костик, совсем еще мальчишка, в руках врага. Нет! Она не могла не вернуться в город. Да и в душе теплилась надежда: может быть, и вывезет кривая, ведь появление в городе — алиби.

Но кривая не вывезла. Дома ее ждала засада. Сухопарый гестаповец сразу же обыскал Настю. Движения его рук были медлительны и точны, как у портного, снимающего мерку с понравившегося ему заказчика. Закончив обыск, скривив тонкие

губы, он доложил офицеру в сдвинутой набекрень фуражке с высокой тульей:

— Прилетела пустая.

— Ничего, в Порхове она защебечет.

Настя вздрогнула. О застенке в порховском СД она была наслышана. Там умели не только истязать, но и мучить человеческие души.

Через несколько дней Бисениек увезли в Порхов. А родных ее выпустили.

— Смотри, старик, — напутствовал Александра Павловича следователь гестапо, — помалкивай о том, что слышал и видел у нас. Знай свое дело — подбивай подметки. А с дочерью твоей мы поступим по-хорошему.

— На словах что на гусях, а на деле как на балалайке, — не преминул воспользоваться поговоркой Финогеныч, сплюнул и зашагал к дому.

Что-то надломилось после ареста в старике. Все чаще и чаще вставал он теперь с «липки», подходил к окну и подолгу простаивал, вглядываясь в бегущие облака. Побои на допросах оставили заметный след. Стал хиреть Финогеныч не по дням, а по часам. И вскоре он умер. Придя с похорон, Костя молча взял в руки шило и дратву и занял место деда у стола, заваленного старой обувью. В Дно появился новый сапожник — Константин Бисениек. Шел пареньку пятнадцатый год...

Город Порхов, куда привезли арестованную Бисениек, со времен Александра Невского был пограничной крепостью русского государства. На берегах задумчивой голубой Шелони не раз грозным лагерем становились полки иностранных завоевателей. Крепостные степы города часто решетили вражеские пули и снаряды. Исхлестанные бурями, источенные временем, стали они немymi свидетелями стойкости, мужества и отваги русских людей и в годы Великой Отечественной войны.

Весной и летом 1943 года в районе Порхова смело действовала 3-я Ленинградская партизанская бригада. Народные мстители на участке железной дороги Псков — Порхов разгромили гитлеровцев на станциях Подсевы и Карамышево, истребили гарнизон разъезда Уза, спустили под откос более десяти воинских эшелонов. Успехи ленинградских партизан в рельсовой войне вынудили

командующего войсками охраны группы армии «Север» генерал-лейтенанта Шпеймана издать 19 августа 1943 года специальный приказ об усилении охраны коммуникаций. Приказ констатировал: «...В течение истекшей ночи в армейском тылу в результате трех сильных взрывов было прервано движение на участках Псков — Порхов, Псков — Гдов. В других местах было отмечено еще 200 взрывов...»

Большую помощь Советской Армии и партизанам оказывала антифашистская подпольная организация Порхова. Она, как и дновская, имела свои группы в сельской местности. 19 подпольщиков служили в административных органах врага. Мужественной борьбой советских патриотов руководил пожилой агроном-садовод Борис Петрович Калачев, работавший в городской управе.

Командование группы армий «Север» было встревожено смелыми действиями подпольщиков и возросшей активностью партизан. И хотя приказы из ставки Гитлера требовали выделять для посылки к Орлу и Курску новые и новые подразделения из охранных войск, в Порховском районе летом 1943 года карателей не убавилось, а даже, наоборот, прибавилось. Город был наводнен тайными агентами гестапо, отделение СД пополнено матерыми контрразведчиками. Им удалось напасть па след подполья и арестовать нескольких членов подпольных групп.

Особой жестокостью отличались в СД следователи Тимман, Михельсон, начальник отделения фон Фогель и его заместитель Тродлер. Фон Фогель люто ненавидел военнопленных. Он часто говорил подчиненным:

— Пленные — все ненадежные. Победить коммунистов — видеть их мертвыми. Я с наслаждением расстреливаю красных, — и добавлял: — Такова наша семейная традиция.

Гестаповец приходился родственником одному из убийц пламенной немецкой революционерки Розы Люксембург. Старший лейтенант Фогель, начальник конвоя при переводе Люксембург в Моабитскую тюрьму в 1919 году, не только не воспрепятствовал неизвестному нанести арестованной удар по голове, но и сам выстрелил в нее. По приказу Фогеля солдаты бросили труп Розы Люксембург в канал. Подлое преступление кайзеровского офицера стало предметом гордости гитлеровского выкормыша.

В руки этих садистов и попала в августе 1943 года Бисениек.

Первым допрашивал узницу Тимман. Он снял с нее ручные кандалы и прикрепил к пальцам какие-то небольшие металлические палочки, опутанные проводами. С гадкой ухмылкой пояснил:

— Это волшебные перчатки. Как раз для ваших рук, фрау Бисениек. Вы, я слышал, неразговорчивая особа, а они заставляют говорить даже глухонемых.

Сердце иглой пронзила догадка: электрическая машина. Да, Настя не ошиблась: следователь решил сразу начать игру с главного козыря. Тимман был изобретателем этой дьявольской машины и даже получил в Берлине патент за нее. Он любил это утонченное орудие пытки. Металлические палочки, дававшие при соприкосновении с телом человека сильный электрический разряд, развязывали языки многим.

Это была сильная пытка. Когда Тимман с силой нажимал кнопку, жгучая боль пронизывала все тело Анастасии. Еще нажим — и она лишалась сознания. Следовала минутная передышка. Монотонно, точно читая псалтирь, следователь задавал вопросы, и опять за молчание — страшные удары током.

Бисениек выдержала пытку. Глаза ее сухо горели, слезы кипели в горле, но она не заплакала, не закричала, не порадовала воплем мучителя. И лишь прядка седых волос, появившаяся в ту ночь на голове Насти, свидетельствовала, какую муку приняла эта мужественная женщина.

— Вы перестарались, Тимман, — сказал Тродлер, увидев на следующий день узницу, — не трогайте больше ее. Пусть придет в себя, а через недельку я сам займусь ею.

Оберштурмфюрер Тродлер утверждал, что, если после мучительной пытки узнику дать возможность побывать на воле, побродить в парке, хорошо покушать и выпить, он дрогнет, станет на колени. Это испытание в гестапо называлось «пытка жаждой жизни».

Над Шелонью благоухала августовская ночь, когда Тродлер привез Бисениек в живописный уголок Норхова — к замшелым руинам древней крепости. Оберштурмфюрера сопровождали огромная овчарка и любовница, переводчица. Красивые, улыбчивые глаза и румянец во всю щеку делали лицо спутницы Тродлера каким-то неестественным, похожим на лицо куклы. Была она молода, но уже затаскана, как и дорогая шаль, в которую куталась.

Пройдя мостик, Тродлер развязал Насте руки и сказал:

— Я займусь со своей фрейлейн, а ты погуляй, обмой раны в реке, подыши свежим воздухом.

Переводчица заискивающе добавила:

— Захочешь кушать — приходи.

С этими словами она расстелила скатерть и достала из чемоданчика бутылки и закуску.

Долго сидела Настя на берегу Шелони. Река тихо плескалась у ее ног. Ночной ветерок нежно трепал волосы. Вначале на душе было какое-то безразличие. Ни о чем не хотелось думать, клонило ко сну...

Мертвую тишину неожиданно разорвал паровозный гудок. Был он протяжный, тоскливый. Настя открыла глаза. И вдруг откуда-то издалека всплыла картина золотого детства... На косогоре у полотна железной дороги она собирает спелую землянику. Навстречу мчится паровоз. Машинист, молодой парень с соседней улицы, лихо высунувшись из будки, кричит:

— Угости ягодами, красавица!

Она бежит к полотну, протягивает лукошко, но паровоз уже пролетел мимо, оставив о себе на память лишь шлейф белого дыма.

Припомнилось, как совсем еще девчушкой пошла в лес с матерью по грибы. Заблудились. Надвигались сумерки. Стало очень, очень страшно. Взяв мать за руку, испуганно спросила:

— Мамка, а нас медведи не загрызут? — и уже со слезами на глазах добавила: — Мне так жить хочется!

— Не бойся, маленькая, не загрызут, — ответила встревоженная мать. — А жить ты у меня будешь долго, долго.

Жизнь! Какое это бесценное сокровище. Как часто мы мало ценим ее чудные мгновения, ее радости и печали. Да! Тродлер знал, какую пытку устроить. Это испытание для Насти было посильнее, чем мучительные удары электричеством машины Тиммана. Энергия, воля, пламенный темперамент — все эти сильные черты характера Насти вдруг куда-то отступили. Ей стало страшно, как тогда в детстве, в лесу. Но рядом не было матери. Настя вскочила с камня и, застонав, рухнула на землю.

Очнулась Настя от ощущения, что кто-то нагнулся над нею. Подняла голову — Тродлер. В руках коньяк и бутерброды. На лице улыбка, в глазах угрюмый, недобрый свет. Рядом, злобно оскалясь, стояла овчарка.

— А я хотел с вами выпить, фрау Бисениек. Но вам, кажется, лучше

побыть еще одной.

Сказал и исчез. И вновь могильная тишина. И опять Настя наедине со своими мыслями.

На небе появилась луна. Ее холодный пламень придал сказочный, фантастический вид местности. Поднявшись, Настя наклонилась к реке: хотела попить. Но отпрянула в ужасе: вода блестела, как недавно пролитая кровь, в изумрудной ряске почудилось чье-то бледное знакомое лицо. Хотелось громко крикнуть, но запекшиеся губы были непослушны. Мелькнула мысль: «Боже мой, да я же сойду с ума...»

Тогда Настя закрыла глаза и вновь открыла. Вода, как и раньше, искрилась, но красноватого оттенка уже не было. Мираж, посещающий людей в момент крайнего нервного возбуждения, исчез. Однако Настя хорошо теперь знала, чье мертвое лицо показалось ей в воде. Таким бледным было лицо Бориса, когда его темной осенней ночью семнадцатого года убили белогвардейцы.

Борис! Драгоценная песня юности. Сильный, уверенный, он незримо стал сейчас рядом со своей истерзанной возлюбленной. Заглянул в глаза, поднял на руки, закружил и, как тогда, крикнул: «Настенька, зоренька моя ясная, гори, гори, не потухай!»

И устыдилась своей минутной слабости отважная подпольщица. От реки Настя отошла успокоенной, а главное — вновь сильной. Это было второе дыхание, новый взлет ее души.

Оберштурмфюрер Тродлер не читал стихов Тютчева, а если бы и прочел, то усомнился бы в правдивости замечательных тютчевских строк:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить!
У ней особенная статья,
В Россию можно только верить!

Анастасия Александровна Бисениек была не просто русской женщиной. Она была русской женщиной самой крепкой стати — советской патриоткой. А таких ничто не может сломить!

Когда первая полоска утренней зари позолотила горизонт, к Насте вторично подошел Тродлер. Улыбаясь по-прежнему только губами, спросил:

— Ну, как, фрау Бисениек, не правда ли, жизнь прекрасна?

Устремив взгляд на купол собора, в миниатюре повторяющий шпиль Петропавловской крепости, Настя спокойно и твердо ответила:

— Прекрасна, но без таких паскуд, как ты и твой фюрер.

Гестаповец изумленно поднял глаза, а затем злобно, переходя на «ты», бросил:

— Я умываю руки. Теперь ты — собственность одноглазого дьявола. Но предварительно тебя немножко обработают в камере, пустят кровь. У тебя она лишняя.

Одноглазым дьяволом в порховском СД звали унтерштурмфюрера Гембека. Это был человек волчьего нрава. На Восточном фронте в начале войны он потерял глаз и с тех пор каждого русского считал своим личным врагом. Гембек был начальником Заполянского лагеря смерти.

Небольшая деревушка Заполянье, расположенная между городами Порхов и Дно, в 1943 году стала проклятым местом. Ранней весной гитлеровцы основали на ее окраине, в хозяйственных постройках бывшего совхоза «Полоное», так называемый «армейский воспитательный лагерь». Штабы отделений СД Порхова, Дно, Сольцов направляли туда подпольщиков, армейских и партизанских разведчиков, которых не сломили пытки в застенках гестапо. Посылались на «воспитание» к Гембеку и военнопленные, бежавшие из концлагерей и вновь попавшие в руки фашистских палачей. В лагере содержалась также небольшая группа подследственных.

«Воспитание» у одноглазого дьявола обычно заканчивалось расстрелом. Подстать себе Гембек подобрал и помощников. Ближайшими сподручными в его кровавых делах были сорокатрехлетний немец Мартин Вилли, хозяйственный комендант лагеря, и переводчик по имени Сашка (фамилию предателя знал только Гембек), появившийся в Порхове невесть откуда в один из апрельских дней 1943 года. Оба грубые, кровожадные, не люди — волки.

«В Бремене до войны я был мясником. Сейчас в России работаю по специальности, только скот ко мне пригоняют двуногий», — цинично писал Мартин Вилли своему приятелю в Берлин.

— Мне убить человека — все равно что конфету съесть, — куражился пьяный Сашка перед жителями Заполянья. Этот наглый прыщ с губами-шлепанцами всячески старался походить на эсэсовца:

носил желтую рубашку с закатанными рукавами, черный галстук и пилотку с эмблемой — череп и две скрещенные кости.

И они убивали. По приказу из штаба СД в Заполянском лагере были уничтожены герои порховского подполья Антонина Тахватулина, сестры Катя и Женя Голышевы, учительница Валентина Николаевна Ерова. Только за десять месяцев 1943 года гестаповцы с помощью палачей Гембека расстреляли более 3 тысяч наших соотечественников.

В акте специальной комиссии, расследовавшей в 1945 году злодеяния немецко-фашистских захватчиков на территории Порховского района Псковской области, имеются показания нескольких свидетелей массовых расстрелов и издевательств над узниками лагеря. Так Ермолаева Евгения сообщила комиссии:

«Я лично видела, как в лагере расстреляли 6 неизвестных мне граждан и там же, на месте расстрела, их закопали... Второй раз я своими глазами видела, как в лагере расстреляли группу — 25 цыган, в числе которых были и дети. При мне привезли молодую, очень хорошенькую женщину с месячным ребенком. На следующий день ее расстреляли вместе с ребенком».

Работавшая на кухне лагеря Прокофьева Серафима показала:

«Из бункера (кормокухня), где я содержалась, почти ежедневно выводили на расстрел по несколько человек. Были расстреляны Бочарова Евдокия, Громов Григорий, а также содержащийся вместе с нами профессор математики одного из ленинградских институтов. Звали его Яков, фамилию не помню...»

Опрошенный бывший узник лагеря Иванов Никифор говорил членам комиссии:

«В июне месяце 1943 года был арестован мой восемнадцатилетний сын и с ним еще 16 человек. Все они были расстреляны. Через несколько дней после того, как меня доставили в лагерь, вечером вывели 6 человек и расстреляли тут же в кустах. Немцы несли обратно обувь этих расстрелянных. Тогда погиб Дмитриев, работавший механиком на станции Дно. За время пребывания в лагере меня допрашивали 3 раза, и каждый раз немец Мартин Вилли бил меня шомполом. Чтобы я не кричал, другой немец, присутствовавший при допросе, сжимал мне горло».

Иногда расстрелы проводились ради забавы гестаповцев. Чудом уцелевшие узники — жительница Порхова Травина Ольга Сергеевна,

бывшие военнопленные Курашев Иван Михайлович и Дмитриев Михаил Михайлович — на всю жизнь запомнили случай, когда Мартин Вилли спросил: кто из заключенных умеет косить? Вызвалось 8 человек мужчин. Их посадили в телегу, дали косы и грабли и повезли за пределы лагеря. Вскоре на лугу слышались выстрелы. Подвода вернулась обратно. Сразу же были посланы люди зарыть расстрелянных косцов.

А убитых цыган вообще не зарывали, свалили в воронку от бомбы и чуть присыпали землей.

— Пусть волки да лисы полакомятся цыганятиной, — гоготал Гембек, возвращаясь с расстрела.

Были случаи, когда одноглазый садист, чтобы сломить волю заключенного, подводил его к свежевырытым ямам и говорил:

— Это твой будущий дом. Спрыгни, примерь — удобно ли тебе там будет.

Несчастливого заставляли лечь. Убедившись, что яма для него коротка, гнали ко второй могиле, третьей. Подбрав ее по росту узника, ставили его на край ямы и стреляли по нему... холостыми патронами. Ночью человека, пережившего ужас своего расстрела, везли в гестапо и там предлагали спасти жизнь ценой предательства.

52 дня провел в ожидании расстрела в Заполянском лагере Василий Васильевич Лубков. Отсюда его увозили на допросы в Дно и Порхов. Однажды, когда избитого на допросе Лубкова волокли в ригу, приспособленную для одиночных камер, в лагерь пригнали новую партию заключенных. Построив их у барака, Мартин Вилли, размахивая нагайкой, с наслаждением ораторствовал. До подпольщика донеслись слова:

— Запомните: в этом лагере мы ваши боги, ваши повелители.

Василий громко крикнул:

— Псы вы шkodливые, а не повелители.

С блестящими от ярости глазами к нему подбежал комендант, ударил в лицо и со злорадством сказал:

— Завтра ты поймешь наконец, кто здесь хозяин. Сам выберешь себе яму.

Так Лубков узнал о том, что пробил его последний час. Ночью он бежал. Как удалось ему совершить побег, кто помогал — неизвестно. Известно лишь то, что беглец добрался до деревни, где жил довоенный знакомый — бывший председатель колхоза. Но приюта

еле державшийся на ногах подпольщик в жилище труса не нашел. Более того, подлец показал Лубкову дорогу в деревню, где были каратели, сказав, что их там нет.

Василий пошел. Каждый шаг теперь давался ему с трудом. Он падал на землю, поднимался, шел, опять падал. Впереди синел ельник. В его зарослях беглец решил передохнуть, но оттуда неожиданно раздались выстрелы. Повернул назад, но и там уже были враги... Не зная, есть ли у подпольщика оружие, гитлеровцы и полицаи медленно сужали кольцо. Приблизившись, стали бросать гранаты. Осколком одной из них Лубков был тяжело ранен. Не желая попасть живым в руки гестаповцев, Василий Лубков перерезал себе горло осколком бритвы.

Исключительно дерзкий побег совершили из лагеря два друга — Аркадий и Виктор, партизанские разведчики. Очевидцы рассказывают: бежали юноши среди бела дня. Произошло это так: Аркадия вели к двухэтажному зданию, где Гембек истязал Виктора. Проходя мимо группы узников, Аркадий заметил раскрытые ворота, выбил из рук конвоира винтовку, бросил на землю шапку-кубанку и с возгласом: «Хлопцы, все равно погибать!» — кинулся бежать. От неожиданности пулеметчик на вышке растерялся и выронил диск. Находившийся поблизости Сашка открыл по беглецу огонь из пистолета, но ни одна пуля не задела смельчака.

На выстрелы выбежал Гембек. Воспользовавшись его отсутствием, избитый Виктор поднялся с пола, открыл ящик стола и с парабеллумом одноглазого дьявола выскочил в окно. Благодаря суматохе он незаметно исчез в раkitовых кустах. И лишь окровавленные колючки указали то место, где пробирался бежавший узник сквозь проволочное ограждение.

До вечера Гембек, Сашка и солдаты из охраны рыскали в окрестностях лагеря, но разведчики как в воду канули. Кто эти смелые парни, чьей дерзости сопутствовало счастье? Как сложилась их дальнейшая судьба? На эти вопросы пока еще ответа нет.

Анастасию Александровну Бисениек привезли в Заполянье в конце августа. Приехала она внутренне спокойная, готовая до конца нести свой крест. Надежды на спасение у нее теперь не было, пытки окончательно подорвали здоровье, и бежать при всем желании подпольщица не могла.

Поначалу узники отнеслись к Бисениек настороженно, так как в

день ее прихода в барак была разоблачена женщина-provokator, агент гестапо. Но ледок недоверия растаял быстро. Настю полюбили. Для каждого у нее находилось ободряющее слово. Принесут охранники заключенного с допроса, бросят на нары. Не может несчастный ни лечь, ни сесть, стонет. Подойдет Настя, положит мокрую тряпку на раны, сядет рядом, шепчет:

— Потерпи, милочка. Не стони. Услышит твои стоны Гембек — радоваться будет. Молчи, дорогой. Молчание тоже оружие.

Стиснет зубы узник и молчит. А Настя уже в дальний угол барака пробирается. Там посменно вторую ночь дежурят у изголовья своего товарища моряки... Было их в лагере четверо. Держались дружно, даже Сашка, услышав однажды от них слово «Гнида!», побоялся пустить в ход револьвер, лишь приказал: «Двое суток оне фрессен (без еды)». И вот свалился один из балтийцев в тифозном бреде. Узнает одноглазый дьявол — пустит в расход.

— Спи, ребята. Я посижу около вашего друга. А коли что, так разбужу.

— Спасибо, сестра!

Через Сашу Лубкову, добившуюся свидания с мужем, Бисениек передала родным поклон. В Заполянье сразу же пришел Костя. Насте немного удалось поговорить с ним. Об истязаниях — ни слова. И белую прядь убрала под платок, чтобы не видел сын.

В следующее воскресенье Костя опять был у проволоки. На сердце Насти легла тревога: увидят гестаповцы — схватят, не пощадят. Не попросила, а приказала:

— Больше не смей приходить. Знаю точно: на днях меня расстреляют. Уходи, сыночек, в лес. Уходи немедленно.

Выполняя последний наказ матери, Костя покинул Дно. Со своим ближайшим другом он подался в леса. Партизанской дорогой отважный подросток шел до весны 1944 года, затем добровольно вступил в ряды Советской Армии.

Анастасия Александровна Бисениек сказала сыну правду: ее расстреляли в начале октября. Настя никогда не читала и не слышала слов Фурманова: «И если тебе придется погибнуть — умирай агитационно!» Но поступила именно так...

— Шнеллер! Быстро! На колени! — приказал Гембек, когда узницу подвели к яме.

Бисениек не подчинилась палачу. Повернувшись лицом к бараку,

откуда на нее смотрели десятки глаз, она приняла смерть стоя. Последними словами ее были слова «Интернационала». Партийный гимн в устах подпольщицы звучал гордо и уверенно, как и в ту, незабываемую, ее девятнадцатую весну, когда питерская швея Настенька Финогенова ходила по питерским улицам вместе с красногвардейцами.

ЭПИЛОГ

**Бойцы не требовали, чтобы вы были
печальны после их гибели.**

Вс. Вишневский

4 октября 1943 года в Познани на совещании группенфюреров СС Гиммлер говорил: «Что случится с русским или чехом — менянисколько не интересует... Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода — интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры, в ином смысле это меня не интересует. Погибнут или нет от изнурения при рытье противотанкового рва 10 тысяч русских баб — интересует меня лишь в том отношении, готов ли для Германии противотанковый ров...»

Так, и только так, в разгар войны нацистские главари требовали относиться к советским людям, попавшим под ярмо оккупации. Это была человеконенавистническая политика, рассчитанная на истребление миллионов людей.

Осенью 1943 года военные и гражданские власти гитлеровцев объявили жителям Новгородчины и Псковщины чудовищный приказ об эвакуации в... Германию. Эвакуация проводилась якобы с целью очищения оккупированной территории от партизан. Начавшийся насильственный угон жителей ряда деревень был каплей, переполнившей чашу народных страданий. Вспыхнуло всенародное восстание в тылу врага, осаждавшего Ленинград. На священную борьбу за восстановление родной Советской власти подымались стар и млад.

Предвидя грядущее возмездие, гитлеровцы начали заметать следы своих злодеяний. Гестаповцы привезли в Заполянье группу

евреев и заставили их выкопать останки всех расстрелянных за десять месяцев существования лагеря. Черепа, кости, гниющие тела недавно уничтоженных узников были сложены в огромные кучи, облиты горючей смесью и подожжены. Людей, произведших страшные раскопки, тут же расстреляли.

Несколько дней пылали в поле зловещие костры. Едкий удушливый дым стлался в сторону деревни. Смердный, острый запах проникал в избы, отравлял воздух на много километров вокруг. Почти неделю ни одна живая душа не появлялась на месте бывшего лагеря смерти. Лишь резкий осенний ветер кружил мертвые листья с высохших деревьев немых свидетелей последнего злодеяния фашистов в Заполянье.

В конце 1943 года гитлеровцы усилили и без того свирепый оккупационный режим в Дно и Порхове. Облавы теперь проводились по нескольку раз в день. Аресты следовали за арестами. В Дно был схвачен гестаповцами Иван Васильевич Филюхин. После нескольких допросов патриот-машинист был отправлен в концлагерь в Германию.

Но военно-полицейская машина была бессильна парализовать удары партизан и подпольщиков. На место павших героев народной войны вставляли новые бойцы. Появились подпольные группы в дновском депо, в немецком госпитале, в деревнях Юрково и Скугры.

Продолжали бесстрашно бороться и порховские подпольщики.

Вечером 13 ноября в Порхове раздался сильный взрыв.

Неизвестными патриотами был взорван кинотеатр для немецких военнослужащих, находившийся в трехэтажном каменном здании на берегу Шелони. В тот день в городе проходило совещание командиров карательных подразделений. Некоторые из них погибли.

А богатырь на Неве уже расправлял свои могучие плечи. Город-герой готовился к решительному штурму фашистских укреплений. К последним боям готовилась и 35-тысячная армия ленинградских партизан.

И этот долгожданный день пришел. 14 января 1944 года ударили пушки с Ораниенбаумского плацдарма. Они возвестили начало разгрома немецко-фашистских захватчиков у стен Ленинграда.

* * *

Недавно я посетил места, где жили и самоотверженно боролись с оккупантами дновские подпольщики. Побывал на берегу Шелони, где под охраной фашистских головорезов провела кошмарную ночь Анастасия Александровна Бисениек. От реки веяло прохладой. Небольшие волны, точно сетуя друг на друга, вели неторопливый разговор. А над развалинами древней крепости наперекор ночной тишине плыла песня. Было что-то озорное, когда девичий голос настойчиво спрашивал:

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю?

И что-то трогательное в признании:

Виновата во всем, виновата
кругом...

Так беззаботно поет только юность, не знавшая военных невзгод, окрыленная светлой мечтой о большом человеческом счастье. Ради этого счастья в суровые годы минувшей войны от края до края советской земли и гремела песня смелых — борьба.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ.....	5
ГРОЗА НАДВИГАЕТСЯ	6
ПУЛЯ МЕТКАЯ ДОГОНИТ	12
СКВОЗЬ ТЕМЬ НОЧИ.....	23
ПЕСНЯ СМЕЛЫХ — БОРЬБА.....	36
ОНИ УМИРАЛИ СТОЯ	64
ЭПИЛОГ.....	85

Масолов Николай Виссарионович.

ДНОВСКАЯ БЫЛЬ. М., Политиздат, 1964.

87 с. с илл. (Герои и подвиги).

9(С)27

Редактор *З. Политов*

Художник *Т. Акуров*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *Н. Трояновская*

Сдано в набор 22 апреля 1964 г. Подписано в печать
20 июня 1964 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 2³/₄.
Условн. печ. л. 4,51. Учетно-изд. л. 4,5. Тираж 235 тыс.
экз. А 06810. Заказ № 2204. Цена 10 коп.

Работа объявлена в Т. п. 1964 г., № 196.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.

10 коп.

